

H. PIRENNE

HISTOIRE
DE BELGIQUE
I-IV

Bruxelles

А, ПИРЕНН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА БЕЛЬГИИ

ЕВРАЗИЯ

Санкт-Петербург
2001

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит *Кипрушкина*
Вадима Альбертовича

Перевод с французского под редакцией
проф. Косминского Е. А.

Анри Пиренн

Средневековые города Бельгии. Пер. с фр. под редакцией проф. Косминского Е. А. —
СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. — 512 с.

Книга известного бельгийского историка Анри Пиренна (1868—1947 гг.) посвящена истории средневековой Бельгии в V—XIV вв. Автор ярко и образно исследует самые разные стороны жизни этой страны в эпоху средневековья: появление франков, набеги викингов сменяются борьбой между церковными и светскими княжествами и триумфом городов, неожиданно для всего христианского мира одержавших победу над феодальными сеньорами, Особое внимание Пиренн уделяет городам Бельгии, в XI—XIV вв. достигшим небывалого экономического расцвета и кровавым распрям за власть между горожанами. Не остается в стороне экономическое и социальное развитие Бельгии, сумевшей посреди бурь, сотрясавших средневековое общество, сохранить своеобразие своей культуры и независимость.

Косминский Е. А., перевод
и составление словаря, 1937
© Карачинский А. Ю.,
вступительная статья, 2001
© Лосев П. П., обложка, 2001
ISBN 5-8071-0093-X

© Издательская группа «Евразия», 2001

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Средневековые города Бельгии» — книга, с которой начинается семитомный труд об истории Бельгии, созданный А. Пиренном (1862—1935 гг.), известным бельгийским историком, профессором университета в Генте в 1886—1930 гг. А. Пиренн — необычайно многогранный исследователь. Из-под его пера вышли работы по самым различным проблемам, посвященным в основном западноевропейскому средневековью. Пламенный патриот своей страны, автор посвятил множество работ истории Бельгии в средние века, ее городам Динану и Сент-Омеру. Вся история средневекового Запада рассматривалась им через призму экономических, точнее торговых отношений, которые представляли для Пиренна своеобразный «двигатель» социально-политического развития. Труды Пиренна всегда отличались необычайно смелым, нестандартным подходом к наиболее спорным феноменам в истории средневекового Запада: так, феодализм он рассматривает как следствие гибели городов Средиземноморского побережья под ударами арабов, что привело к господству в Европе натурального хозяйства и прекращение монетного обращения, а зарождение городов в Западной Европе объясняет образованием поселений иностранных купцов, притягивавших к себе окрестное население. Однако наряду с экономическими факторами Пиренн уделяет значительное место и средневековому человеку, его надеждам и чаяниям, психологическим и патриотическим мотивам поведения: так, объясняя причины победы фламандских горожан над французской рыцарской конницей в 1302 г., Пиренн указывает на непокорный нрав и стремление к независимости, свойственное жителям приморских районов Фландрии, которые впоследствии сыграли значительную роль в освободительной борьбе Нидерландов против испанского владычества. Особый психологический облик Пиренн приписывал основателям городов — купцам, впоследствии превратившимся в городской патрициат, которым, по его мнению, были свойственны трудолюбие, упорство, предприимчивость, качества, превратившие их в первых «капиталистов». Пиренна интересовали и проблемы взаимоотношений между западным христианским и восточным исламским обществами, их различиями в экономическом плане, которые он проследил в своей книге «Магомет и Карл Великий». Безусловно, заслуги Пиренна не ограничиваются одними только историческими исследованиями: его ученики

писали, что он «был не только знаменитым ученым, но и крупным преподавателем. Он любил говорить, что более всего ценит в своей карьере то, что создал историческую школу: школу Гента». Учениками Пиренна были такие маститые бельгийские историки, как Ф.-Л. Гнасхов, Ф. Веркотерен, Э. Сабле, В. Фриз и др. Именно как патриару историков Бельгии А. Пиренну было поручено выступить со вступительным словом на V историческом конгрессе, собравшемся после Первой мировой войны в Брюсселе.

Средневековая Бельгия была страной городов и потому города являются центральным сюжетом в творчестве Пиренна. Именно они с XI в. становятся средоточием торговли, столь дорогой сердцу автора. В работе Пиренна город предстает как самостоятельный организм, чуждый окружающему его феодальному миру; автор особенно подчеркивает разницу в мировоззрении городского населения и правителей средневековой Европы — в первую очередь короля Франции и графа Фландрии — часто не понимавших и ущемлявших его интересы. Он показывает, как постепенно исчезал и менялся слой рыцарства, уступая главенствующее место представителям городской буржуазии. Слегка модернизируя суть противостояния между феодальными князьями, рыцарями и купечеством Бельгии, Пиренн представляет ее как борьбу между феодализмом и капитализмом, по его мнению, зарождавшемся в городской среде. Пиренн также решительно делит на два лагеря и внутренний мир городов Бельгии: долгая и кровавая битва между ними сопровождалась борьбой за независимость от французского господства, в ходе которой городское население постепенно стало обретать национальное самосознание.

Но даже если тема городов доминирует в книге Пиренна, то ученый вовсе не ограничивает этим свое исследование; его целью стало показать средневековую Бельгию во всем ее многообразии. Наряду с городами и их экономической деятельностью Пиренн прослеживает развитие политических организмов: феодальные и церковные княжества, которыми так была богата Бельгия, их взаимоотношения с могущественными соседями — Францией, Германской империей, Англией. Можно даже сказать, что Пиренн написал историю не только средневековой Бельгии, но одновременно и историю Франции, Германии,⁴ Англии той эпохи, ибо интересы всех этих стран сталкивались в областях, входящих в состав Бельгии. Однако Пиренн не остановился на социально-политическом и экономическом аспекте и уделил особое внимание культурному развитию бельгийского региона в эпоху Средних веков, подвергавшемуся перекрестному влиянию Франции и Германии, показав, как зарождалась своеобразная, со своими отличительными чертами, литература, архитектура, развивался фламандский язык. Тем самым работа А. Пиренна, посвященная всем сторонам жизни средневековой Бельгии, может быть полезной и интересной как специалистам, так и самой широкой читательской аудитории.

КНИГА ПЕРВАЯ

**НИДЕРЛАНДЫ
ДО XII ВЕКА**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**РИМСКАЯ И ФРАНКСКАЯ
ЭПОХИ**

I

Название «Бельгия» в применении к интересующей нас стране было заимствовано гуманистами эпохи Возрождения у древних и было официально освящено в XIX веке. Однако современная Бельгия составляет лишь часть первоначальной Бельгии, простиравшейся от берегов Рейна до подступов к берегам Сены. Некоторые из населявших ее некогда народов исчезли, другие же — резко изменились благодаря смешению. Тем не менее, несмотря на разделяющие их 20 столетий, обе эти страны обладают поразительным сходством в одном отношении. Подобно тому, как в наши дни фламандцы германской языковой ветви и валлоны романской языковой ветви постоянно сталкиваются в области, лежащей между морем и Арденнами, точно так же еще до римского завоевания здесь сталкивался арьергард кельтов с авангардом германцев. Наиболее восточные народы из северных белгов — эбуруны (Либмург и Льеж), кондрузы (Кондроз), церозы (область Прюм?), пэманы (Фамен), сегны (верхняя часть долины Урт?) и адуютики (Намюр) — по-видимому, восприняли очень много германских элементов, и когда Цезарь (в 57 г. до н. э.) осведомлялся об их происхождении, то предание хранило еще воспоминание об эпохе, когда они жили к востоку от Рейна. Зато к западу и к югу от них бассейны Шельды и Мааса заселены были только народностями кельтской расы — нервиями (юг Брабанта и Генегау), менапиями (Фландрия и северный Брабант), мориными (область Теруаня), атребатами (Артуа) и треверами (Арденны и Мозель)¹.

По мнению К. Жюлиана (С. *Jullian*, *Historie de la Gaule*, t. I, p. 315, Париж, 1908 г.), первые племена белгов поселились в стране около 300 года до н. э. Эбуруны и их соседи, чисто германского происхождения, или с резко выраженной германской примесью, появились здесь позднее, около 150 года (*Ibid.*, стр. 525).

Эти народы, несмотря на свое различное происхождение, прежде всего восприняли кельтскую культуру, которая благодаря своему относительному превосходству вскоре подчинила себе проникшие в среду кельтов посторонние элементы¹. Поэтому все они ожесточенно боролись, всячески стараясь помешать слишком сильному продвижению германцев на левый берег Рейна и вторжению в их страну. В этом состоянии непрерывных столкновений с соседями они были застигнуты обрушившимися на них легионами Цезаря. В конце концов они были без больших трудностей покорены, несмотря на обнаруженный ими героизм, поразивший их победителя. Эбуроны погибли из-за оказанного ими слишком отчаянного сопротивления. Они были частью истреблены, частью проданы в рабство и исчезли с лица земли, а на их территории поселилось новое племя — тунгров, которое образовалось из смешения остатков эбуронов с призванными Цезарем германцами. По имени этого племени и стала называться впредь эта территория.

Римское завоевание превратило Рейн из до тех пор постоянно изменявшейся этнической границы между белгами и германцами в прочную государственную границу. По эту сторону этой границы под влиянием римского управления и культуры расовые различия постепенно стали стираться. Белги романизовались вместе с германцами и постепенно утратили свои национальные черты благодаря одинаковому новому, воспринятому ими образу жизни. Но официальный язык сохранил воспоминание о различном происхождении их обитателей в названиях, данных им обоим провинциям, созданным между Рейном и морем. Восточные территории составили часть «*Germania inferior*» (Нижней Германии), между тем как западные отошли к «*Belgica secunda*»² (Вторая Белгика).

Что касается адуатуков, то их поселение произошло еще позже, так как Цезарь сообщает нам (II, 29, 4), что они представляли собой лишь отряд, оставленный за собой кимврами и тевтонами. Разумеется, все эти племена в момент их поселения в этой стране уже нашли там каких-то других жителей. Это более раннее население, о котором мы не располагаем другими сведениями, кроме данных доисторической археологии (каменные орудия и оружие, утварь и т. д.), по мнению Жюлиана принадлежало к лигурийской расе. Но в Бельгии, как и в Галлии, оно смешалось с новыми пришельцами, продолжая однако отличаться от них своим физическим типом: низким ростом и черными волосами. Германцы же и кельты, наоборот, очень походили друг на друга своим высоким ростом, голубыми глазами и белокурыми волосами. Между этими двумя народами не было резкого различия. Белги — кельтской расы были даже, по-видимому, в большей или меньшей степени, — смешаны с германцами (С. Jullian, *Histoire de la Gaule*, t. II, p. 9).

/ *Asbach*, *Zur Geschichte und Kultur der roomichen Rheinlande* (Berlin, 1902); *A. Schoop*, *Die romischen Besielung des Kreises Duren*. *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*, Bd. XXVII [1905]; С. Jullian, *Histoire de la Gaule*, t. II, p. 467.

² «*Germania inferior*», с главным городом Кельном, состояла из двух городских округов — Кельна и Тонгра, «*Belgica secunda*», с главным городом Реймсом,

Из двух названных провинций «Германия» была более богатой, более населенной и более цивилизованной (*policee*). Гарнизоны, расположенные вдоль по течению Рейна, являлись здесь активнейшими очагами римской культуры. Будущая «поповская дорога» была в то время дорогой легионов и чиновников. Вдоль реки один за другим были расположены соединенные шоссейной дорогой города Ремаген, Бонн, Кельн, Нейс, Ксантен, Нимвеген, Лугдунум, первоначальный Лейден, в настоящее время представляющий собой затопленный район напротив Катвика. Особенно большое значение приобрел вскоре Кельн. Подобно Лиону в центре Галлии, он на севере этой страны стал превосходным орудием романизации. Именно в Кельне начиналась дорога, которая, пересекши Маас у Маастрихта, шла через Тонгр, затем, пройдя «Угольный лес» (*Carbonaria silva*), вилась вдоль течения Мааса и Самбры, доходила у Камбрэ до Шельды и отсюда уходила на северо-запад — по направлению к Булони, и на юг — по направлению к Суассону и Реймсу. Это была артерия, по которой римская культура, столь деятельная на берегах Рейна, проникала вглубь Второй Бельгии, и еще до сих пор на ее протяжении, в областях Намюра, Генегау и Артуа, встречается множество фундаментов вилл и монетных кладов. В южных Нидерландах, где реки текут с юга на север, она была первой дорогой, которая вела с востока на запад. На протяжении всего средневековья она оставалась под названием «дороги Брунгильды» (*chemin Brunehaut*) главным сухопутным трактом между Рейном и морем, и еще теперь легко можно проследить по карте ее прямолинейную трассу. Эта трасса идет довольно точно по лингвистической границе, отделяющей в наше время валлонскую часть Бельгии от фламандской. Но в III веке путешественник, следовавший по пути из Кельна в Булонь, встречал справа и слева от дороги лишь народы, имевшие одинаковые обычаи и один и тот же язык. Оставив Тонгр, который, по-видимому, был вплоть до IV века довольно крупным городом¹, он попадал в чисто земледельческую страну, где городские поселения были редки и имели лишь второстепенное значение. Турнэ, Камбрэ, Теруань и Аррас, по всей видимости, были всего лишь небольшими провинциальными городами. Они служили рынками для окрестных крестьян, с успехом занимавшихся разведением лошадей и другого скота. Менапийские окорока и гуси моринов издавна приобрели широкую славу. Вдоль побережья были

насчитывала к концу императорской эпохи 12 городских округов: Реймс, Аррас, Кабрэ, Турнэ, Теруань (*civitas Morinorum*), Булонь, Суассон, Шалон, Верман, Санли, Бовэ, Амьен. Я, разумеется, останавливаюсь в дальнейшем изложении лишь на тех из них, территории которых вошли в состав Нидерландов. Следует также отметить, что страна треверов причислялась к «*Belgica prima*», отделявшей своим острым выступом, тянувшимся по течению Мозеля вплоть до Кобленца, Первую Германию от Второй.

Ammianus Marcellinus, «*Res gestae*», lib. XV, c. 7: «Вторую Германию... защищают большие и богатые города Агриппина (Кельн) и Тунгры (Тонгр)».

расположены солеварни, а в долинах Шельды, где текстильной промышленности предстояло впоследствии достигнуть столь необычайного расцвета, уже в это время выделялись благодаря особой тонкости овечьей шерсти, получавшейся в этой сырой местности, шерстяные ткани (*sage*) и шерстяная верхняя одежда (*biggi*), вывозившиеся даже и по ту сторону Альп. В Турнэ существовала даже мастерская военного обмундирования¹.

Судя по раскопкам, страна была довольно густо населена. Следы римских жилищ, правда, особенно многочисленны по течению Самбры, Мааса и Мозеля, но не следует думать, что приморская область, в которой их было найдено значительно меньше, была пустынным краем. Почти полное исчезновение материальных следов римской культуры в этой местности легко объясняется морским наводнением III века, покрывшим песком старую торфяную почву, и в особенности тем, что в этих аллювиальных землях, где камни редки и дороги, жители с давних времен начали использовать остатки римских памятников² в качестве строительного материала. Во всяком случае, мы знаем, что остатки римских поселений были многочисленны еще в XI веке в области Сент-Омера и что в окрестностях Брюгге, у Уденбурга, к этому же времени еще существовали крупные военные сооружения³. Ввиду этого не будет, пожалуй, слишком смелым предположить, что уже во времена Империи берег был защищен от морских наводнений плотинами и искусственными сооружениями.

Но если жители будущих Нидерландов могли благодаря царившему в Империи миру возделывать свои поля, расчищать свои леса и достигнуть, по-видимому, довольно высокой степени благосостояния, то зато они в силу сложившихся условий должны были в течение долгого времени сохранять особенности своих наречий и свои племенные культы. Влияние больших городов, окружавших на востоке и на юге эту крайнюю границу цивилизованного мира, могло быть лишь чрезвычайно слабым. Только христианству суждено было завершить их романизацию⁴.

О качествах шерсти и текстильной промышленности в Бельгии см. *C. Jullian, Histoire de la Gaule*, t. II, p. 282, 283, 298. Он указывает (p. 298, note), что приводимый Павлом Орозием (VII, 32, 8) рассказ о дожде из шерсти, упавшем с неба в Артуа, должен быть, по-видимому, связан с какой-то поговоркой, напоминающей об изобилии шерсти в этой местности. Несомненно, именно этим объясняется то, что в окрестностях Ренэ, где открыто было множество остатков римской утвари, почти не найдено было следов жилищ. *Hariulf, Tractatus de ecclesia S.-Petri Aldenburgensis*. Mon. Germ. Hist. Script., t. XV, стр. 872; *Lambert d'Ardres, Chronique*, ed. Godefroy Menilglaise, p. 227, 241; *Chronica monasterii Watinensis*. Mon. Germ. Hist. Script., t. XIV, стр. 163. — Большие черные камни, служившие укреплениями Уденбургу, были, по свидетельству Гариульфа (loc. cit.), использованы для сооружения стен графского замка в Брюгге.

В начале III века романизация не была еще закончена, но делала уже успехи. Надписи свидетельствуют о том, что родители носили языческие имена, между

Новая религия, разумеется, прежде всего стала распространяться в наиболее населенных и богатых частях страны, т. е. в долинах Мозеля и Рейна. Не подлежит сомнению, что первые христиане пришли к берегам Мааса и Шельды именно из Кельна и Трира¹. Впрочем, у нас нет никаких данных о подробностях принятия христианства. Предания, относящиеся к созданию различных епископств севера к I веку, не имеют под собой никаких исторических оснований и должны быть отнесены к числу легенд.

Возможно, что епископальное устройство было впервые введено в Трире во второй половине III века. Со времени св. Матерна (313 г.) Кельн составлял отдельное епископство; и так же обстояло, по-видимому, и с Тонгром. Во всяком случае, спустя 30 лет и этот округ, несомненно, имел особое епископство²; св. Серваций, подпись которого имеется в актах Сардикского собора (343—344 гг.) и присутствие которого засвидетельствовано на соборе в Римини (359 г.), является первым подлинным епископом, о котором упоминает история Нидерландов³.

Но если нам так мало известно о происхождении Тонгрского диоцеза, то еще гораздо меньше мы знаем о диоцезах Арраса, Турнэ и Теруаня⁴. Имея меньшее значение, чем Тонгр, и будучи более удалены на север от очагов римской культуры, эти города лишь очень поздно и очень медленно стали доступны христианству. К концу IV века морины были еще язычниками, и тот факт, что их апостол, святая Виктрис (около 383 г. — около 407 г.), происходила из отдаленного города Руана, заставляет предполагать, что диоцезы северной Бельгии имели в это время еще очень несовершенную организацию, или вернее, что образовавшиеся здесь христианские общины зависели от епископства Реймского, церковного центра городов этой провинции.

тем как дети — римские. См. / P. Waltzing, *Les inscriptions latines trouvées à la citadelle de Namur. Compte-rendu du Congrès archéologique et historique de Dinant*, t. II, p. 560 (Namur, 1904). Последние кельтские следы исчезли, по-видимому, лишь ко времени вторжения франков. *Asbach, Zur Geschichte und Kultur der römischen Rheinlande*, S. 4.

В конце II века Иринея Лионский упоминает о христианах из Германии. *Alb. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands*, Bd. I, S. 6 (Leipzig, 1887). *L. Duchesne, Mémoire sur l'origine des diocèses épiscopaux dans l'ancienne Gaule. Mémoire des Antiquaires de France*, t. L, 1889, p. 337, и в особенности — *Harnack, Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*, 2. Ausgabe, S. 230, 231 (Leipzig, 1906). Относительно Сервация см. *B. Krusch, Mon Germ. Hist. Scrip. rer. Merov.*, t. III, стр. 83, а также *G. Reuth, Le Pseudo-Aravatius. Analecta Bollandiana*, t. XVI (1897), стр. 164.

По поводу крещения моринов см. письмо святого Паулина из Нолы, у *Migne, Patrologia latina*, t. LXI, с. 839. Что касается Турнэ, то нет никаких доказательств, что диоцез здесь был создан в это время. См. / *Warichez, Les origines de l'église de Tournai*, p. 28 et suiv. (Louvain, 1902).

II

К тому времени, когда в северных провинциях «Второй Белгике» и «Нижней Германии» стало распространяться христианство, в этих областях уже не царила больше та полнейшая безопасность, которой они пользовались в течение двух веков. Мощный барьер, удерживавший со времени Цезаря варваров на правом берегу Рейна, стал подаваться под натиском франков, и романизованным потомкам белгов предстояло вскоре навсегда уступить часть своей территории тем самым германцам, переправе которых через эту реку старались некогда помешать их отцы.

Более чем вероятно, что медленная германизация Нидерландов началась еще до III века. Велико было число германцев, переправлявшихся через Рейн с целью поступить на службу в римские легионы или обосноваться в качестве земледельцев в бассейнах Шельды и Мааса. Впрочем, эти пришельцы, рассеявшись среди белго-римских племен, вскоре смешивались с ними. Из смешения старых обитателей с новыми, как и во всех колонизируемых странах, образовалась смешанная народность, обладавшая, однако, общей культурой. Среди населения провинций вскоре стало невозможным распознать элемент, внесенный варварами. Люди, населявшие страну между морем и Рейном, — будь то германцы или белги по своему происхождению, — все считали своим отечеством Римскую империю и все называли себя римлянами.

Во второй половине III века жители северной Галлии впервые столкнулись с германцами, вторгнувшимися к ним в качестве завоевателей и грабителей¹. Дезорганизованная гражданскими смутами в Империи рейнская армия не в состоянии была отбросить их. Полчища франков и аламанов стали опустошать провинции, между тем как другие варвары — фризы и саксы — совершали набеги на побережье, заселенное мориными и менапиями.

Правда, императорам в конце концов удалось отбросить вторгнувшиеся полчища, но неисчислимы были причиненные ими бедствия. О них можно судить по тому, что Максимиан в 286 году поселил франков в качестве колонистов в «опустошенных частях» областей моринов и треверов². Была организована серьезная защита побережья (*litus saxonicum*): отныне предстояло оказывать сопротивление не только на Рейне, но также и вдоль морского побережья врагу, мощь которого обнаружилась только теперь.

Эта первая тревога заметно изменила облик страны. Саксонским пиратам удалось все же поселиться в некоторых местах на побережье, и до сих пор нетрудно распознать путем изучения названий местностей следы их колонизации в окрестностях Булони³. Если же они реже

¹ Первый набег франков на левый берег Рейна произошел около 240 г. н. э.

² *Incerti panegyricus Constantio Caesare dictus. Panegyrici latini*, ed. Baehrens, стр. 147 (Лейпциг, 1874).

встречаются в приморской Фландрии, то это, несомненно, объясняется тем, что оседание почвы, которое произошло в этой местности к концу III века и привело к исчезновению части ее под водой, заставило завоевателей удалиться, из нее, вызвав в то же время и окончательный уход отсюда романизованного населения¹. Вскоре благодаря восстанию Карозия (286—293 г.), которому поручена была охрана побережья, салические франки силой захватили Батавский остров и стали угрожать Бельгии с севера, в то время как рипуарии угрожали ей с востока. Таким образом северные провинции, находившиеся одновременно с трех сторон под ударом варваров, являлись лишь форпостом Римской империи на германской территории, и неустанные усилия, требовавшиеся для защиты этой открытой со всех сторон и лишенной естественных границ равнины, могли только на время отсрочить неизбежную катастрофу.

С самого начала IV века область, ограниченная коленом, образуемым Рейном на протяжении от Кельна до моря, была театром непрерывных военных действий между франками и римлянами. Отброшенные Константином Хлором, Константином и Юлианом, вторгнувшиеся завоеватели неустанно продолжали свои нападения, и отражение их ударов становилось с каждым днем все труднее. Область к северу от отрогов Арденн и Генегау, по которой все время проходили войска и которую грабили варвары, превратилась постепенно в пустыню, и население ее исчезло. Рейн не был уже больше достаточным оплотом. Пришлось возвести вторую защитную линию за ним. С помощью остатков сооружений, колонн, надгробных плит старались насколько можно укрепить города². Были возведены укрепления по берегам Мааса, построены редуты и вырыты рвы вдоль большой дороги из Булони в Кельн³. Эти новые укрепления свидетельствовали лишь об опасности, которую они не в состоянии были отразить. В 358 г. победитель салических франков, Юлиан вместо того, чтобы отбросить их за Масс, позволил им поселиться в необитаемых частях Токсандрии (Кампин)⁴. Правда, они заселили эту область в качестве римских подданных, но когда в начале V века (402 г.)

G. Kurth, La frontiere linguistique en Belgique, p. 530 (Bruxelles, 1896, t. XLVIII, «Meraoires couronnes et autres memoires», publies par l'Academie). Последние римские монеты, найденные в приморской области, почти все относятся к царствованию Постума (273 г.). См. R. Blanchard, L'invasion marine dans la plaine de Flandre. Annales le l'Est et du Nord, 1905, p. 538, и его же — La Flandre, p. 143 и далее (Dunkerque, 1906).

Бланше — A. Blanchet, Les enceintes romaines de la Gaule, p. 97, 106, 110, 134, 137 (Paris, 1907) — указывает на римские каменные постройки, остатки которых были найдены, в Тонгре, Арпасе, Арлоне и Намюре. Kurth, La frontiere linguistique, p. 545.

Koch, Kaiser Julian der Abtriinnige, S. 402 (Leipzig, 1899). По мнению Аккерсдика (W. C. Ackersdijck, Over Toxandrie. Nieuwe werken der Maatschappij der Nederl. — Letterkunde, t. V, Лейден, 1838 г.), границами Токсандрии были: на севере и востоке — Маас, а на западе — Донж, впадающий у Гертруйденберга в Старый Маас.

Стилюхон собрал вокруг себя северные легионы, чтобы защитить Италию от готов, франкские племена, видя перед собой огромные свободные пространства, расселились в Бельгии и начали заселять долины Шельды и Лиса. С этого времени Рейн перестал уже быть северной границей Римской империи. Граница шла теперь по линии, проходившей через Марк (Па-де-Калэ), Аррас, Фамар и Тонгр¹. Вскоре она еще больше отклонилась к югу. Около середины V века салические франки захватили Турнэ, между тем как рипуарии перешедшие через Рейн несколько позднее 406 года, идя с востока на запад, переправились на левый берег Мааса.

Таким образом, на севере в провинциях Бельгии и Германии, предоставленных Римом их собственной участи, как и во времена появления в них Цезаря, снова противостояли друг другу два народа — германцы и белго-римляне.

Если в наши дни установить на карте между Дюнкирхеном и Маастрихтом лингвистическую границу, отделяющую в южных Нидерландах жителей, говорящих на романском языке, от их соотечественников, говорящих на германском языке², то сейчас же бросаются в глаза два очень любопытных факта. Эта граница составляет непрерывную линию, не образуя нигде излома: установленное ею разграничение между обоими народами абсолютно четко. На всем ее протяжении фламандский и валлонский языки, подобно морю вдоль побережья, соприкасаются друг с другом, не сливаясь: внутри отделяющихся ею лингвистических групп нигде нельзя встретить чуждых языковых островков или клиньев. Это положение объяснялось бы очень просто, если бы языковая граница совпала с географической и проходила бы, например, по течению большой реки или вдоль подножья горной цепи. Но фактически она нигде не определяется ни направлением рек, ни рельефом почвы. Почти повсюду она проходит по равнине, и нет никакого материального признака, который предупреждал бы путника о том, что он ее пересекает.

Столь странное положение, не имеющее, пожалуй, аналогии ни в какой другой стране, становится совершенно понятным, если принять во внимание исторические условия, в которых произошло германское завоевание, и если учесть состояние страны в это время. Салические франки V века не обрушились на Нидерланды подобно потоку, сносящему все на своем пути. С того момента, как Римская империя разрешила им обосноваться в Токсандрии, с того момента, как их многовековые усилия утвердятся

¹ Notitia Dignitatum Occid., XXXVIII, XLII, ed. Seeck (Berlin, 1876). Об установлении этой границы см. *Kurth*, *Frontiere linguistique*, p. 17 и далее, а также — *O. Bremer*, *Ethnographie der Germanischen Stämme*, у Paul, *Grundriss der Germanischen Philologie*, 2 Ausgabe. (Stasburg, 1900). Она почти полностью совпадает с границей расселения «деревень» (Dorfer) и хуторов (Einzelhofen). См. *Meitzen*, *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen Bd. I*, S. 517, (Berlin, 1895).

на левом берегу Рейна увенчались успехом, они надолго прекратили борьбу с римскими армиями и принялись возделывать землю своего нового отечества. Эта задача облегчалась для них тем, что, так как коренное население покинуло эти опустошенные в результате непрекращавшихся войн области, то первые поселения новых пришельцев были основаны на полупустынных равнинах. Позднее, когда отозвание в Италию северных легионов открыло им дорогу в Бельгию, они двинулись вглубь страны по долинам рек Лис и Шельды и окончательно завладели Фландрией и значительной частью Брабанта. По-видимому, все это произошло мирно, без необходимости братья за оружие. По пустынным пастбищам менапиев франки продвигались вперед, не встречая сопротивления. Попадавшихся им очень немногочисленных белгоримских крестьян, задержавшихся в этой открытой, издавна подвергавшейся нашествиям местности, они убивали или обращали в рабство. За завоеванием следовало заселение новых земель. В названиях ряда фламандских деревень сохранилось на протяжении веков слегка измененное суффиксом *ghem* (*heim*, *hem*) родовое имя воина, некогда осевшего здесь вместе со своей семьей.

Заселение северной Бельгии франками не связано с именем какого-нибудь исторического лица, так как оно было делом целого народа, действовавшего без заранее составленного плана, под влиянием естественного импульса, побуждавшего его выйти за пределы слишком тесных для него границ и расселиться по расстилавшимся перед ним пустым пространствам. Но когда авангард завоевателей, продолжая подвигаться по течению Шельды, дошел до окрестностей Турнэ, ему пришлось сражаться.

Солдаты Аэция, опираясь на линию римской дороги, препятствовали переходу через нее. К этому времени относится появление во главе салических франков Хлогиона — их первого короля, чье имя дошло до нас. Под его предводительством они между 431 и 451 гг. захватили области, расположенные к северу от Соммы, на востоке же завоевали Турнэ. Тем не менее они осели плотной массой лишь в районе Калэ и Булони, население которых, издавна подвергавшееся нападениям морских пиратов с побережья, должно было быть очень редким, и их язык надолго вытеснил латинский¹. На юге же и на востоке, в долине Соммы, как и в окрестностях Камбрэ, Турнэ и Арраса, они смешались со старыми обитателями, которые были слишком многочисленны, чтобы быть изгнанными или поглощенными ими. К тому же в тот момент, когда франки подошли к римской дороге, они имели уже в длинах достаточно обширную заселенную территорию.

Отныне они продолжали свои завоевания уже не ради создания новых поселений. Эти завоевания приобретали теперь, скорее, политический

¹ Французский язык начал проникать в эту область в XI веке, но окончательно утвердился в ней лишь в XVIII веке. *JZLanchard, La Flandre*, p. 481.

характер: они были выгодны для короля, но не для народа. Правда, число-салических франков, обосновавшихся в Генегау, Артуа и Амьенуа, все еще было очень значительно. Но созданные ими в романских областях германские островки обречены были на исчезновение. Рассеянные среди людей чуждой расы, находясь в непрерывном общении с более высокой культурой, эти форпосты в конце концов разделили судьбу бургундских и вестготских поселений на юге Галлии. Они могли бы сохранить в неприкосновенности свой национальный характер только в том случае, если бы им был обеспечен непрерывный приток все новых сил. Но поток франкского вторжения был приостановлен, и салические франки, рассеянные среди латинских народностей, вскоре смешались с ними.

Нетрудно объяснить, с другой стороны, почему расселение салических франков не распространилось дальше за нынешние границы разделения фламандского и валлонского языков в Бельгии.

Действительно, если в наши дни в области, простирающейся от Антверпена до Монса, нет никаких естественных препятствий для завоевателя, наступающего с севера, то совершенно не так обстояло дело в V веке. В это время вся северная часть Нидерландов покрыта была густым лесом, тянувшимся без всякого перерыва от берегов Шельды до сланцевых возвышенностей Арденн. Его называли «Угольным лесом»¹. Именно эта «лесная стена» и удержала франков в долинах Кампина, Брабанта и Фландрии. Эти ровные и открытые земли были удобны для колонизации; новые поселенцы нашли почву, не требовавшую долгого и упорного труда по расчистке и подъему целины. Вторгнувшиеся завоеватели не сделали поэтому никаких попыток пробраться через лес: основная масса их поселений дошла лишь до его опушки. Салическая Правда, самый древний источник, сохранивший нам название «Угольного леса», считает его — и это очень показательно — границей расселения франкского народа².

По другую сторону этой границы, на полянах и в лесных долинах, утвердились романизованные белги, которые известны были у германцев под названием «Вала» (*Wala*) и которые являются непосредственными предками валлонов. Но как бы значительно ни было — до и во время нашествий — проникновение германцев и в эту лесную область, оно все же было недостаточным, чтобы внести очень глубокие изменения в характер или язык ее обитателей. Лес был таким же надежным прикрытием от завоевателей, какими служили в эту эпоху Альпы для ретийско-ро-

Об этом «Угольном лесе» (*Carbonaria silva*) см. *Duvivier*, *Le Hainaut ancien*, p. 63 (Bruxelles, 1865), а также *Kurth*, *Frontiere linguistique*, p. 545. Из слов Нитхарда (книга II, гл. 2, 3, 6, 10) видно, что этот лес еще в IX веке считался естественной границей. Он тянулся, соединившись с другими лесами, вплоть до Дуэ. *Mauray*, *Les forets de la Gaule*, p. 186 (Париж, 1867). *Lex salica*, XLVII. Расположение мест находок кладов римских монет во Франции доказывает, что франки обошли Арденнский лес. См. А. *Blanchet*, *Les tresors de monnaies romaines et les invasions germaniques en Gaule*, Париж, 1900.

майского населения и для италиков кантона Тессин, или холмы Уэлса и Корнуэлса — для бриттов Англии.

Защищенные с северной и западной стороны «Угольным лесом», валлоны были прикрыты с востока еще более неприступным массивом Арденнских лесов. Рипуарии не расселились дальше равнин Газбенгау, а полчища аламанов, пройдя через пустоши Эйфеля, тоже встретили на своем пути заслон из лесов. В настоящее время от Арденнских лесов остались лишь жалкие остатки, а «Угольного леса» почти совершенно не существует. Однако путем изучения названий местностей удалось не только определить крайнюю границу, достигнутую на востоке колонизацией аламанов, а на юге — колонизацией франков, но в то же время установить размеры пространств, покрытых некогда огромными лесами, остановившимися, наподобие мощной плотины, потоки завоевателей и сохранившимися в окружении германцев самую северную из романских народностей. И поныне в современной Бельгии, по происшествии более чем 1400 лет, первоначальное положение не изменилось: фламандцы и валлоны продолжают жить по соседству друг с другом, занимая, почти те же места, которые были заняты их предками около середины V века.

И на северных равнинах естественные препятствия также отделили друг от друга территории, занятые завоевателями. Рипуарии, переправившись через Маас, остановились на краю Кампинских болот¹, к западу от которых начиналась страна салических франков. Последняя, в свою очередь, не простиралась до моря. Ее крайняя граница на западе определилась, по-видимому, невозделанной лесистой областью, которая от Сен-Николя до Туру пересекала Фландрию по диагонали; последние следы ее лесов исчезли лишь несколько лет тому назад². Впрочем, лежавшая за этими лесами и болотами прибрежная область, наполовину залитая водой, и не могла соблазнять поселенцев. Основная масса салических франков обошла эти бесплодные земли, точно так же, как она обогнула «Угольный лес». Лишь очень немногие из них проникли в приморскую Фландрию, которая, до тех пор пока повышение почвы не сделало возможным начать здесь борьбу с морем, имела очень редкое население из явившихся сюда морским путем фризов и саксов, наложивших свой отпечаток на некоторые особенности языка, права и обычаев этой страны³.

Meitzen, Siedelungen, S. 544, а также *Kurth*, Frontiere linguistique, p. 541. *Andries*, Notices sur la grande bruyere flamande de Bulscampveld. Annales de la Societe l'Emulation de Bruggex, 2-e serie, t. XIII, 1864, p. 271 и далее; *Meitzen*, Siedelungen, Bd. I, S. '551. Ср. также / *W. Muller*, Tijdschrift voor Nederlan-dsche taal en letterkunde, т. XV [1896], стр. 31. Во времена св. Бавона (VII в.), чтобы пройти из Туру в Гент, надо было пересечь огромные совершенно пустынные леса. Acta Ss. Bool., Oct., т. I, стр. 234 цитируемые *Kurth*, Frontiere linguistique, p. 528.

/ *Te Winkel* в книге *Paul*, Grundriss der Germanischen Philologie, 4. Ausgabe, Bd. III [1901], S. 787; *Vanderkindere*, Introduction a l'histoire des institutions de la Belgique, p. 112 (Bruxelles, 1890); *Blanchard*, La Flandre, p. 479. По мнению

III

Вместе с романизованным населением на севере Нидерландов в V веке исчезло также и христианство. Но если уход первого был окончательным, то отступление второго могло быть лишь кратковременным.

Крещение Хлодвига (496 г.) не вызвало немедленной христианизации франков. Если воины, сопровождавшие короля в Галлию, тотчас же последовали его примеру, то совсем не так обстояло дело с основной массой франков, поселившихся по другую сторону «Угольного леса». Церкви пришлось преодолеть здесь большие трудности, и она лишь очень медленно добивалась успехов. Правда, ей не пришлось преодолевать здесь сильного национального сопротивления. Ни из чего не видно, чтобы языческие боги нашли себе здесь рьяных защитников. Церковь не сумела, однако, воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами. Она не в состоянии была энергично и решительно взяться за дело христианизации северных франков.

Действительно, вражеские нашествия совершенно разрушили в северной Галлии церковное устройство. Диоцезы, к моменту вторжения варваров находившиеся в процессе организации или только недавно возникшие, исчезли. Во всех областях, где обосновались завоеватели, христианские общины рассеялись, и отправление культа прекратилось. Словом, католицизм не пережил римских поселений, на базе которых он вырос и которые в своем крушении увлекли его за собой¹.

Процесс восстановления диоцезов севера был чрезвычайно мучителен. Проповедь Евангелия среди франков была начата не духовенством этих диоцезов, несомненно, полуварварским². Оно было делом миссионеров, явившихся из Галлии и поддерживавшихся меровингской династией, заинтересованной — но вполне понятным соображениям — в распространении в своих северных владениях религии, ставшей со времени крещения Хлодвига, ее религией. Среди миссионеров выделялся пламенный и страстный св. Аманд. Этот аквитанский монах обладал душой и темпераментом апостола. Во время его паломничества в Рим ему, по его словам, явился св. Петр, приказавший ему посвятить себя проповеди

Веркули (*Vercoullie*, *Etymologie de Vlaming er Vlaanderen. Bullet. de l'Acad. royale de Belgique, Classe de Lettres*, 1903, p. 490), слово «Vlame», давшее начало слову «Vlaming», принадлежит фризскому диалекту.

Даже в таком римском городе, как Камбрэ, в начале VII века имелись еще язычники. См. *Vita S. Gaugerici. Mon. Germ. Hist. Script, rer. Merov.*, т. III, стр. 657.

Это достоверно установлено в отношении духовенства Тонгра, которое св. Аманд находил слишком мало развитым для выполнения возложенных на него задач. Но еще и при св. Ремакле оно было столь невежественным, что последний вынужден был отправить молодого Трудона (св. Тронда) учиться в Мец. Если так обстояло дело в самом старом епископском городе Бельгии, то нет никаких сомнений, что положение в других городах было еще более плачевным.

Евангелия среди язычников севера. Он без колебаний повиновался. Он был возведен королем Хлотарем II в сан епископа и через короткое время, около 629 г., вместе с несколькими товарищами, обосновался при слиянии Шельды и реки Лис, как раз в самом месте, где позднее воздвигнут был город Гент. Здесь им было создано в честь св. Петра аббатство — первое католическое учреждение в стране салических франков¹. Будучи более ревностным, чем осторожным, по своей природе, Аманд счел возможным приступить к обращению своей паствы. Но когда по его совету король предписал крещение в обязательном порядке, то народ восстал, и обескураженный неудачей Аманд покинул Фландрию, решив поискать на отдаленных берегах Дуная других душ для обращения в христианство. Однако ему предстояло впоследствии опять вернуться к франкам. В 664 году мы встречаем его епископом Тонгра. Но он лишен был, по видимому, качеств, необходимых для управления диоцезом. По истечении трех лет, утомленный бездеятельностью и грубостью подчиненного ему варварского духовенства, он отказался от своих обязанностей и вновь одел свое монашеское облачение — единственную одежду, которая подходила для такого энтузиаста и идеалиста, как он. Возраст не ослабил его энергии. Как будто задавшись целью добиться чести проповедывать слово Божие среди самых различных народов, он отправился на склоне своих лет миссионером к баскам. В конце концов, после тщетных поисков венца мученика, он возвратился окончить свои дни в те самые северные страны, где когда-то началась его апостольская деятельность. Он умер в 672 г.² в Эльнонском монастыре, который был им построен в окрестностях Турнэ и носил с тех пор его имя.

Дело св. Аманды было продолжено двумя другими аквитанцами: в долине Шельды св. Элигием, которому Дагоберт I передал в 641 г. диоцез Нуайон-Турнэ, а в долине Мааса — св. Ремаклем (умер в сентябре 671 г.), призванным в 650 г. Сигебертом III для занятия епископской кафедры в Тонгре. Но дело это было завершено лишь в начале VIII века св. Ламбертом (умр ок. 705 г.) и св. Губертом (умер в 724 г.), которые обратили в христианство последних язычников Ток-сандрии, Брабанта и Арденн. Таким образом, для христианизации населения всей обширной области от устья Шельды до «Угольного леса» потребовалось больше двух веков. Это кажется тем более странным, что франки не были варварами-фанатиками, что их короли были давно католиками и что доступ в их страну был легок и безопасен.

Основание аббатства обычно относят к 610 году. Но в настоящее время доказано, что эта дата была установлена без всяких исторических оснований в X веке монахами Сен-Пьерского аббатства. См. *O. Holder-Egger, Zu den Heiligengeschichten des Genter St. Bavoskloster, «Historische Aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet», S. 634 und ff. (Hannover, 1886)*. По поводу этой даты см. *L. Van der Essen, Etude critique et littéraire sur les Vitae des saints merovingiens de l'ancienne Belgique, p. 341 (Louvain, 1907)*.

Но обращение язычников, проводимое без общего плана, предоставленное индивидуальной инициативе, лишенное руководства и системы, могло происходить лишь крайне медленно. Местное духовенство не только не помогало миссионерам, но последние, по-видимому, с презрением отвергали всякую мысль о том, чтобы заставить их служить своей цели. Мы видели, что св. Аманд отказался от своих епископских обязанностей в Тонгре, и мы знаем, что несколько позднее св. Ремакль последовал его примеру.

Меровингские миссионеры не создали новых епископств среди франков Бельгии. Здесь не было ничего, похожего на то, что делалось среди германских народов по ту сторону Рейна, где наряду с обращением язычников происходило создание епископств на завоеванной для церкви территории. Здесь ограничивались прикреждением новых христиан к лежащим по соседству епископским городам.

Церкви этих городов, разрушенные во время нашествий варваров, вскоре оправились. Уже в начале меровингской эпохи появились епископы в Маастрихте¹, Торуане, Турнэ² и Аррасе³. Разумеется, епископы владели вначале очень слабо обеспеченное существование. Их власть не простиралась за пределы округа занимаемых ими городов, и в первое время даже само их местопребывание было далеко не постоянным. В VI веке аррасские епископы обосновались в Камбрэ, епископы из Турнэ — в Нуайоне⁴, а в начале VIII века св. Губерт перенес епископскую резиденцию из Маастрихта в Льеж.

Дело реорганизации церкви на севере происходило под влиянием чисто римских идей. Не изгладилась еще память о тех переменах, когда административные границы Римской империи совпадали с церковными, и соответственно с этим в официальный титул епископов входили названия старых городов. Так, епископы Маастрихта-Льежа назывались *episcopi Tugrogum*, епископы же Торуаня — *episcopi Morinogum*, несмотря на то, что тунгры и морины уже перестали существовать к этому времени. Хотя эти названия и не соответствовали больше действительности, но они все же свидетельствовали о притязаниях их носителей на северные области. Поэтому, когда язычество было уничтожено по эту сторону «Угольного леса», епископы сочли совершенно естественным вернуть себе свои вла-

Возможно, что именно епископ Монульф перенес епископскую резиденцию из Тонгра в Маастрихт. *Van der Essen, Saints Merovingiens*, p. 162. См. *Warichez, L'Eglise de Toumai*, p. 40.

Аррасское епископство было восстановлено св. Ваастом, (ум. в 540 г.), но вскоре (около 545? г.) перестало вести независимое существование, так как оно входило вплоть до 1093 г. в один общий диоцез с Камбрэ. По мнению Варише (*Warichez, op. cit.*, p. 62), это переселение было произведено не св. Медардом как утверждает предание, а св. Ашаром, предшественником св. Элигия. Объединение Турнэ с Нуайоном продолжалось до 1146 г.

дения и восстановить свою епископскую власть на принадлежавших им в римские времена территориях.

Льежское епископство простиралось на севере от Мааса до Диля, епископство Камбрэ-Аррас — от этой последней реки до Шельды, епископство Нуайон-Турнэ — от Шельды и морского побережья до Звина, а долина Изера была прикреплена к Теруаню. Таким образом, церковь почти восстановила в колонизированной франками местности границы римских «*civitates*» тунгров, нервиев, менапиев и моринов. Первый из названных диоцезов был частью Кельнского архиепископства; что же касается трех остальных, то они были подчинены Реймскому архиепископству. Территория Нидерландов делилась с этого времени вплоть до XVI века между двумя большими церковными провинциями, соответствовавшими прежним имперским провинциям «Второй Белгике» и «Нижней Германии». Обращенные варвары были распределены между теми же округами, которые Римская империя некогда создала для своих подданных кельтского происхождения. Вплоть до царствования Филиппа II географическое распределение церковных округов в Нидерландах оставалось в том же виде, как и в римские времена, и лишь в 1559 г. территории, приобретенные для христианской церкви в VII веке св. Амандом и св. Ремаклем, были изъяты из ведения епископских городов северной Галлии и образовали новые диоцезы.

Эти факты привели к очень важным последствиям. Церковь, при создании диоцезов, не считалась с этнической и языковой границей и, включая в них франков наряду с белго-римлянами, до известной степени подготовила жителей Нидерландов к той роли посредников между римской и германской культурой, которую они призваны были сыграть в течение последующих веков. Именно этим история Бельгии с самого же начала существенно отличается от истории северных Нидерландов. Образование Утрехтского епископства дало последним чисто германский центр церковного управления. Они не были включены, в отличие от южных соседей, в галльские церковные округа, и источники их духовной жизни остались совершенно свободными от каких бы то ни было римских влияний.

По мере того как новая вера все более укреплялась в их душах, франки все сильнее подпадали под влияние тех романизованных областей, где жили епископы, где воздвигались соборы, где хранились реликвии почитавшихся ими мучеников и где формировалось их духовенство. У них были общие с валлонами религиозные центры. Там, по ту сторону густых лесов, остановивших их колонизацию, находились очаги их духовной культуры. Римские города, превратившись в их церковные центры, перестали быть для них чужими городами. Под влиянием церкви смягчился национальный антагонизм и лингвистическая граница перестала быть барьером между людьми, которых она отделяла друг от друга. Жители германских частей диоцезов Льежа, Камбрэ-Аррасса и Нуайон-Турнэ в известном отношении ориентировались на юг, нисколько не жертвуя из-за

этого чистотой своей расы и не теряя своего языка. Таким образом, франки Шельды и Мааса уже с давних пор в известной степени романизовались. После V века между обоими нидерландскими народами больше не происходило смешения. Но так как они находились под одним и тем же культурным влиянием, так как они вынуждены были ввиду одинаковой религии тяготеть к одним и тем же пунктам, то невозможно было, чтобы они продолжительное время могли коснеть во взаимной вражде и изолированности друг от друга.

Церковь стала отрывать от германского мира франков, живших в долинах Бельгии. Политика Меровингов бессознательно продолжала это дело в том же направлении.

Известно, что на протяжении VII века между романской и германской частями франкской монархии — Нейстрией и Австразией — развивался все усиливавшийся антагонизм. При этих условиях естественно было ожидать присоединения салических франков бассейна Шельды к Австразии, на территории которой жили родственные им племена. Между тем дело обернулось совершенно иначе. Любопытное явление: пограничная линия между Нейстрией и Австразией, проходившая почти на всем своем протяжении вдоль лингвистической границы, в Нидерландах внезапно отходила от нее и шла по линии, отделяющей на территории Брабанта Льежское епископство от епископства Камбрэ. Таким образом, церковные округа определили здесь контуры политических границ. Государство, вместо того, чтобы учесть национальную неоднородность населения, просто приняло разграничение, установленное между ним церковью. Оно предпочло забыть, что жители северных диоцезов принадлежали к различным этническим группам. Те, которые находились в ведении епископов Камбрэ, Нуайона и Теруаня, — будь то франки или валлоны — были ней-стрийцами, те же, на которых простиралась власть Льежского епископа, считались австразийцами. Названия, означавшие повсюду этнические группы, имели в Бельгии лишь чисто политическое значение. Результатом первой же границы, проведенной светской властью на бельгийской земле, было отделение от Германии салических франков Фландрии и включение в нее валлонов из Арденн, Намюрской области и Генегау.

Разумеется, этому поразительному факту не следует придавать преувеличенного значения. Уже с конца VIII века ни Нейстрии, ни Австразии больше не существовало и только что указанная демаркационная линия стерлась. Однако мы увидим в дальнейшем, что позднее, в 843 г., ей суждено было быть восстановленной примерно в том же виде. Как бы то ни было, но нам кажется небезынтересным отметить, что уже в самые отдаленные времена лингвистическая граница в Бельгии отнюдь не означала политической границы.

Таким образом, исторические условия, воздействовавшие на салических франков тотчас же после завоевания, не позволили им соблести в такой же чистоте и сохранности, как их соплеменникам в Германии, самосто-

тельность и, так сказать, автономии своей расы, не говоря уже о ее характерных особенностях. Между тем как вплоть до того времени, когда меровингская монархия стала клониться к упадку, различные германские племена продолжали сплачиваться в национальные герцогства и объединялись соответственно естественному родству по крови и по языку, вокруг наследственного вождя, власть которого почти равнялась королевской власти, — мы не видим ничего подобного в бассейне Шельды. Каждому из этих племен — рипуариев, аламанов, тюрингов — начиная с VII века соответствовало отдельное герцогство; однако никогда не существовало салического герцогства.

Но еще более поразительным должно казаться то, что никогда не называли «Francia» те территории, которые были колонизованы франками к северу от «Угольного леса» и откуда их воины, под предводительством Хлодвига, отправились на завоевание Галлии. Присвоенные им названия — Фландрия, Брабант — не являются этнографическими обозначениями. Более того: сами обитатели этих стран вскоре забыли свое национальное имя и предоставили присвоить его себе галло-римлянам юга. На протяжении всего средневековья они именовали себя сами и именовались своими соседями-валлонами — «Thiois (Dietschen)».

IV

Если бельгийские франки, распределенные среди галло-римских диоцезов и отделенные от основной массы германских народов Австразии, раньше, чем последние, испытали на себе влияние чужой культуры, то и в то же время не видно, однако, чтобы романские народности из областей Генегау и Артуа оказали на них с самого начала хоть какое-нибудь воздействие. Они находились прежде всего под влиянием галло-римской церкви, а не белго-римского народа.

Вместо того чтобы содействовать романизации своих соседей, валлоны, наоборот, были германизованы ими. Несмотря на сохраненный ими латинский язык, они были с V века наполовину германским народом. Они не только в значительной степени смешались по крови с завоевателями, но, кроме того, восприняли их обычаи и их право. Они видели, как франкские короли вместе со своими дружинниками поселились на развалинах их городов, и в тот момент, когда они больше всего нуждались в церкви, дезорганизация последней лишила их защиты епископов. Победители установили у них такой же порядок, какой мы встречаем в Англии в период нормандского завоевания. Короли захватили земли фиска, в то время как сопровождавшие их военачальники присвоили себе приглянувшиеся им земельные участки, распределили между собой достояние церкви и поженились на дочерях местных крупных землевладель-

цев. За время от Хлогиона до Хлодвига беззащитная страна испытала всю тяжесть военной оккупации.

Но совершенно другое время настало, когда Турнэ и Камбрэ перестали быть королевскими резиденциями и когда Меровинги перенесли свою резиденцию в бассейн Сены, а их армия последовала за ними. Известная доля чужеродного элемента, осевшего среди населения, была постепенно поглощена им. Между пришельцами и коренным населением установилось равновесие, временно нарушенное в интересах первых. Установилось взаимное влияние обоих элементов друг на друга. Менее многочисленные, но более могущественные, франки придали социальной жизни в валлонских областях сохраненный ею на протяжении веков облик, но зато они усвоили латинский язык, на котором говорили повсюду вокруг них. Германское влияние господствовало в области права, романское — в языке. «Кутюмы» Валлонии так же непосредственно связаны с салическим законом, как и «кутюмы» Фландрии и Брабанта, между тем как о национальном языке завоевателей Намюрской области, Генегау и Артуа теперь, по прошествии 14 веков, свидетельствуют одни лишь названия местностей.

Германизация валлонов завершилась в то же самое время, что и обращение в христианство северных франков. С того же момента, как оба народа были объединены в одних и тех же диоцезах, они, подчиняясь общему праву и исповедуя общую религию, не могли оставаться больше чуждыми друг другу. Общность религиозных и правовых воззрений — этих чрезвычайно важных факторов всякой культуры — не могла не сблизить в конце концов оба народа. Сблизение должно было быть тем более тесным, что к действию этих факторов вскоре присоединилось не менее сильное влияние факторов экономических.

Франки, занявшие северную часть Бельгии, естественно, обосновались здесь в соответствии со своими национальными обычаями. Каждый свободный человек получил надел (*mansus*), который он обрабатывал с помощью своих детей, своих зависимых людей (*clients*) и своих рабов. Эти земельные участки были, согласно салическому обычаю, либо разбросаны в различных местах по равнине, либо объединены в небольшие группы. Нигде нельзя было встретить деревень, характерных для большинства германских областей, с земельной площадью, разделенной на различные «геваны» (*gewannen*) и чересполосицей составных частей различных наделов (*mansi*). Вокруг каждого дома простирались принадлежавшие ему поля и луга. Сам дом окружен был огороженным двором, в котором находились, в виде отдельных построек — сарай, амбар, пекарня и т. д. Все это сохранилось вплоть до наших дней, и фламандская ферма XX века, — если мысленно заменить кирпичные стены глиняными, а красные черепичные крыши желтыми соломенными, — представляет собой правильное изображение франкской усадьбы V века¹. Однако если внешние формы остались неизменными, то в экономическом положении страны вскоре произошли очень глубокие изменения.

¹ *Maitzen*, Siedelung, Bd. I, S. 535 u. ff.; Bd. III, S. 292.

Поместный строй со свойственными ему различными формами держаний и созданным им многообразием отношений зависимости между людьми и между землями должен был достаточно скоро установиться в этой стране и радикально изменить здесь чрезвычайно простую систему, введенную первоначальной колонизацией.

Эта последняя система могла бы, пожалуй, долго продержаться, если бы франки Фландрии и Брабанта жили, подобно, например, фризам, без всякой связи с Галлией, предоставленные, так сказать, самим себе. Но при тех исторических условиях, в которых они находились, эта изоляция была, как мы видели, невозможна. Подобно тому, как они имели общие с белго-римлянами церковные округа, точно так же они с давних пор находились под влиянием их общественного строя. Те из них, которые осели к югу от лингвистической границы, нашли здесь землю сосредоточенной в руках нескольких крупных собственников, и вместо свободных крестьян встретили население, состоявшее из колонов и оброчных держателей (цензитариев) — людей более или менее прочно прикрепленных к земле и обязанных несением всякого рода оброков и повинностей своим землевладельцам. Они оставили эту организацию в неприкосновенном виде. Во многих поместьях галло-римский хозяин был экспроприрован либо королем, либо кем-нибудь из его дружинников (антрустионов), либо каким-нибудь военачальником; в этом и состояла вся перемена. Впрочем, старые собственники не исчезли совсем. Те из них, которым удалось сохранить свои владения, образовали вместе с «новыми богачами» германского происхождения класс «*potentes*» (могущественных), своего рода земельную аристократию. Эта аристократия, естественно, должна была распространить свое влияние на северные территории. Разоренные плохим урожаем крестьяне, нуждавшиеся в помощи вдовы, отдавали им в собственность свои владения и в качестве держателей переходили на положение зависимых от этих крупных землевладельцев людей. Невозможно было противостоять влиянию богатства и силы. В германском обычном праве имелось немало норм, предназначенных для охраны неприкосновенности наследственных родовых владений, но эти слабые ограничения были легко уничтожены. К тому же короли вербовали своих должностных лиц из того же самого класса крупных земельных собственников, так что к его экономическому превосходству присоединялась еще вся сила законной власти.

Религиозное рвение со своей стороны тоже немало содействовало введению поместного строя у франков. Начиная с VII века области Артуа, Генегау и Намюра покрылись монастырями. Многие из них обязаны своим происхождением тем пламенным миссионерам, которые в таком большом количестве появлялись в Западной Европе из Ирландии в течение всего меровингского периода. Фуйаны, Ултаны, Мононы¹

Об ирландских миссионерах в Бельгии, которые заслуживали бы особого исследования, см. *L. Van der Essen, Etude critique et litteraire sur les Vitae des saints merovingiens de l'ancienne Belgique*, p. 2, 105, 144, 282 и т. д. Англосаксы

познакомили Бельгию с образцами того своеобразного аскетизма, лучшими представителями которого были св. Коломбан и св. Галл. Вокруг келий этих благочестивых отшельников их последователи воздвигли вскоре другие кельи, и эти первоначальные скиты в очень короткое время превратились в монастыри, увеличившие число религиозных учреждений, созданных либо миссионерами, вроде св. Аманда или св. Ремакля, либо богатыми светскими людьми или благочестивыми женщинами из аристократии. Уже в конце VIII в. число такого рода аббатств было поразительно велико: Сен-Мартен (в Турнэ), Сен-Пьер (в Генте), Лобб, Сен-Гислен, Креспен, Сент-Гертруд (в Нивелле), Сент-Водри (в Монсе), Мустье на Самбре, Фосс, Анденн, Малонь, Волсор, Гастьер, Насонь, Сен-Трон, Сен-Юбер, Ставело и Мальмеди и т. д. Местные богатые семьи старались превзойти друг друга в щедрости по отношению к ним, выделяя им без счета крупные поместья из своих аллодов. Согласно преданию, аббатства Монса, Омона, Суаньи и Мобежа обязаны своим происхождением одной из этих богатых семей. Короли, со своей стороны, с течением времени передавали монахам земли фиска, принадлежавшие им в районах Турнэзи, Артуа, «Угольного леса» и Арденн. На севере свободные люди, желавшие обеспечить себе благочестивым поступком царство небесное, завещали свои имущества монастырям. Однако надо признать, что церковные земли не были столь обширны во франкских областях, как в валлонских. Значительнейшая часть земель большинства старых аббатств, созданных в романских странах, была расположена в валлонских областях. В германских же областях до конца каролингской эпохи не было крупных монастырей, за исключением аббатства Сен-Пьер (в Генте) и Сен-Трон. Тем не менее можно утверждать, что начиная с VII века существовавшая первоначально экономическая противоположность между территориями, разделенными лингвистической границей, если и не совсем исчезла, то, во всяком случае, сильно смягчилась. В отношении форм землевладения между ними не было уже больше коренного различия, а было лишь различие в степени.

V

В противоположность тому, что можно наблюдать во многих других государствах, созданных силой оружия, те территории в Галлии, на которых происходил процесс формирования и укрепления победоносной династии, не играли после завоевания доминирующей роли. Нидерланды отнюдь не заняли в меровингской монархии того места, которое можно было бы сравнить с положением, занятым позднее, например, Арагоном и Кастилией в Испании или Бранденбургской маркой в Пруссии. С того момента как франкские короли покинули берега Шельды, чтобы больше

тоже вели христианскую проповедь в Бельгии, как например, св. Бертин, основатель Малонского аббатства; но здесь их было гораздо меньше, чем в Утрехтском диоцезе, с историей которого связаны имена двух наиболее знаменитых миссионеров их национальности, — св. Виллиброда и св. Бонифация.

к ним не возвращаться, они забыли о древней колыбели своего народа, о тех вечно покрытых туманами землях, где в своей, отныне позабытой могиле, покоилось покрытое золотом тело Хильдерика¹. Чем больше они романизовались, тем слабее становился их интерес к области салических франков, затерявшейся на границах королевства, на опушке обширных лесов. Достигнув вершины могущества, они совершенно забыли свою исконную родину, подобно тому как впоследствии люксембургские императоры забыли свое старое родовое герцогство. В связи с этим бельгийские области приняли лишь очень слабое участие в событиях, развернувшихся с VI по VII в. на территории Галлии. Они находились в стороне, и их жители вполне могли применить к себе то прозвание «*extremi homines*» (чужаки), которое некогда было дано их предшественникам, мориам.

Каролингская эпоха навсегда покончила с этим положением вещей. Карл Великий, раздвинув границы христианской Европы до Эльбы, тем самым предоставил Нидерландам то превосходное центральное положение, которое они, начиная с этого времени, всегда занимали на Западе. Вместо того чтобы продолжать коснеть в своей изолированности на границах франкского государства, они оказались теперь в самом центре средневековой культуры, являвшейся делом обеих больших народностей, романской и германской, деливших между собой их территорию. Условия, определявшие отныне их историческое развитие, были тем самым даны. С тех пор в Европе не было таких политических, религиозных, экономических или социальных движений, отраженного влияния которых они не испытали бы на себе. Именно через их страну происходил, так сказать, взаимный обмен обычаями и взглядами между южными римскими и германскими областями. Они часто являлись для Европы полем битвы, но не менее часто они служили ей также опытным полем в социальном отношении. На их почве, созданной аллювиальными отложениями рек, одна из которых текла из Германии, а другие — из Франции, развилась с течением веков совершенно особая культура, образовавшаяся из смешения весьма различных элементов, одновременно германская и романская, словом, не национальная в тесном смысле, а европейская культура.

Ряд других причин также содействовал созданию из стран, лежавших между Рейном и морем, одной из наиболее жизнеспособных частей франкской монархии. Именно здесь находилось большинство земель, принадлежавших новой династии², именно здесь расположены были ее излюбленные резиденции и простирался обширный Арденнский лес, куда ежегодно осенью императоры приезжали охотиться на оленей и кабанов. Нивелльский монастырь обязан своим происхождением Итте, жене Пипина

Cochet, Le tombeau de Childeric (Paris, 1859).

О первоначальных поместьях Каролингов между Рейном, Моэлем и Маасом, см. *Bonnell, Die Anfänge des karolingischen Hauses, S. 76 u. ff. (Leipzig, 1866)*. Следует только отметить, что этот автор ошибочно оспаривает (стр. 70) сношения первых Каролингов с Брабантом, так как он считает легендарной историю св. Гертруды из Нивелля.

Ланденского, дочь которой Гертруда приняла здесь постриг; сестра последней, святая Бегга, является основательницей Анденнского аббатства; кроме того, история первых лет Сен-Юберского аббатства также связана с воспоминаниями о Каролингах. Благодаря пристрастию Карла Великого к Аахену Бельгии выпало на долю играть роль окрестностей столицы Империи, и она стала исключительно оживленной страной. Все те, кто направлялся из различных мест христианского мира к этому северному Риму, — посланники, *missi dominici*, епископы, придворные, англосаксонские монахи, грамматика из Италии, странствующие фокусники, торговцы, нищие и бродяги — вынуждены были пересекать ее территорию. Бельгийские монастыри сделались европейскими гостиницами; необычайно усилилось движение по римской дороге, проходившей через «Угольный лес»; воды Мааса и Шельды бороздили суда, подвозившие императорскому двору большие транспорты хлеба и вина.

Личное влияние Карла Великого особенно сильно сказалось в этих областях, которые он так хорошо знал и где находилась большая часть его наследственных владений. Он оформил их, так сказать, собственной рукой по образцу созданных им учреждений. Образовавшиеся здесь повсюду крупные поместья получили и сохранили в течение веков устройство, соответствовавшее постановлению «Капитулярия о поместьях». С другой стороны, одна из таких наиболее важных государственных реформ Карла Великого, как назначение скабинов (шеффенов или эше-веннов) во главе сотенного судебного собрания вместо созыва на это собрание свободных жителей сотни, нигде не укоренилась так прочно, как в Нидерландах. Вплоть до конца XVIII века должность скабинов (эшевеннов) оставалась самой характерной и национальной судебной должностью в Бельгии, и уже по одному этому примеру можно оценить всю силу влияния Каролингов на эту страну.

Император стремился также насадить франкские учреждения среди приморских фризов и саксов, которые до этого вели изолированное существование среди дюн и болот.

Ему, по-видимому, пришлось преодолеть попытки сопротивления этих полуварварских народов. Образовались целые объединения недовольных (гильдии), набранные из сервов, но, по-видимому, поддерживавшиеся крупными землевладельцами Фландрии и Мемписка, так что Людовику Благочестивому пришлось в 821 г. поручить своим «*missi*» уничтожить эти объединения¹.

Нидерландские епископы, живя по соседству с Карлом и нередко даже находясь в близких отношениях с ним, поставлены были в самые благоприятные условия, так как они имели возможность использовать заботу, которую он всегда проявлял к церкви, в интересах своих собственных диоцезов. Если бы даже мы не имели такого убедительного доказательства этой заботливости, каким является письма Карла к Жер-

Boretius, Capitularia regum Francorum, т. I, стр. 301, § 7 (Ганновер, 1883).

бальду Аьезскому¹, то об огромных ее размерах мы могли бы судить по ее результатам.

Действительно, в течение IX века от варварства и невежества, в которых св. Аманд упрекал когда-то духовенство Тонгра, не осталось никакого следа. Священнослужители стали заниматься наукой, и император взял на себя задачу доставить им учителей. Он поручил Зйгарду * руководство обоими гентскими аббатствами — Сен-Пьерским и Сен-Ба-вонским. Один из лучших учеников Алкуина, Арно, будущий архиепископ Зальцбурга, был аббатом Эльнона. В Сен-Сове (в Валансьене) находился итальянец Георгий, построивший знаменитый гидравлический орган, хранящийся в Аахенском дворце. Почти во всех монастырях страны жили ученые ирландские или англосаксонские монахи, на обязанности которых лежало обучение послушников классической латыни, стихосложению и искусству письма. Женские монастыри тоже не остались в стороне от этого движения. В Мезейке святые Гарлиндис и Ренула занимались в часы досуга художественным вышиванием или прилежно расписывали миниатюрными рисунками ценные рукописи². Повсюду приступлено было к созданию библиотек, к писанию анналов, житий святых, к обработке бессвязных рассказов меровингских агиографов.

Благодаря этому Нидерланды, где было множество монастырей и куда стекались иностранные учителя, вскоре превратились, бесспорно, в один из наиболее влиятельных центров литературной и художественной жизни. Ирландец Седулий³ был оракулом кружка ученых, собиравшегося вокруг лежского епископа Гартгара, в украшенных живописью и цветными окнами залах нового епископского дворца. В другом конце страны школы Сент-Аманда под руководством Гукбальда — слава о котором как поэте, историке и музыканте распространилась по всей Западной Европе, — приобрели столь широкую известность, что Карл Лысый доверил им воспитание своих сыновей⁴. Эти факты очень показательны, но сколько других аналогичных явлений было бы нам известно, если бы только эти области начиная с середины IX века не подвергались систематическому разграблению норманнами; число пощаженных ими монастырей было крайне незначительно. Погибли почти все монастырские библиотеки и их сокровища, о необычайном богатстве которых мы можем судить благодаря описи, уцелевшей по счастью в хронике Сен-Трона, — они стали добычей варваров. Пламенем были уничтожены соборы, храмы и дворцы епископов:

¹ Ibid., т. I, стр. 241.

² Наиболее древней бельгийской рукописью с миниатюрами является мезейское евангелие VIII в. См. *Bulletins des Commissions royales d'art et d'archéologie*, t. XXX [1891], p. 19 et suiv. Cp. *Vita ss. Harlindis et Renulae. Acta ss. Boll.*, март, т. III, стр. 386.

См. *Sedulii Scoti carmina*, ed. L. Traube, *Mon. Germ. Hist. Poetae latini aevi Carolini*, т. III, стр. 151 и ел.

J. Desilve, De schola Elnonensi Sancti-Amandi (Лувен, 1890).

до нас не дошло ни одного образца каролингской скульптуры и архитектуры в Бельгии.

Привилегированное положение Нидерландов в IX веке сказалось не только в интенсивности ее религиозной и литературной жизни, но также и в обнаружившемся экономическом оживлении. Между тем как вся остальная Европа в эту эпоху занималась почти исключительно земледелием и покрыта была поместьями, представлявшими собой соответственное число небольших изолированных миров, производство которых регулировалось не обменом, а удовлетворением потребностей собственника и его ближайшего окружения, — членов его «familia», Нидерланды, в отличие от этого, являли собой совершенно необычное зрелище, обладая сравнительно развитой торговлей. Значительная часть всякого рода продуктов питания, необходимых для прокормления Аахенского двора, доставлялась по их рекам; по ним же привозилось из мозельских виноградников вино для монастырей северных районов, так как их жители не могли выращивать винограда под своим холодным и дождливым небом. Эти торговые сношения послужили толчком к оживлению в бассейне Шельды и вдоль морского побережья текстильного производства, которым морины и ме-напии занимались здесь еще до вторжения германских племен. Франки, обосновавшись в этой области, столь пригодной благодаря обилию лугов для разведения овец, принялись, подобно прежним ее обитателям, прясть и ткать шерсть, которая была у них в количестве, значительно превосходившем их потребности. Их сукна, известные под названием фризских сукон, пользовались тогда большой известностью. Благодаря знакомству с приемами старой галло-римской техники и близости оживленных портов Фландрия приобрела с этого времени промышленный характер, который мы напрасно стали бы искать у какой-нибудь другой тогдашней страны¹.

C. Schmoller, Die Strassburger Tucher und Weberzunft, S. 359 (Strassburg, 1879). Шульте (A. Schulte, Die Handelsverbindungen zwischen Westdeutschland und Italien, Bd. I, S. 78, Leipzig 1900) полагает, что фризские и фламандские сукна — это одно и то же. Клюмкер же (/. Klumker, Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls des Grossen etc. Jahrbuch der Gesellschaft für bildende Kunst und Vaterl. Alterthümer zu Emden, Bd. XIII, 1899), наоборот, считает, что значительная часть «panni Frisonum» выделялась англосаксами. Гепке (R. Hapke Die Herlunft der friesischen Gewebe. Hansische Geschichtsblätter, 1906, S. 306) убедительно опроверг эту точку зрения и показал, что только Фландрия могла давать торговле каролингской эпохи ткани, называвшиеся обычно фризскими (либо потому, что они экспортировались фризскими купцами из Дурстеда, либо потому что к Фландрии, название которой было еще слабо распространено в это время, применяли более известное наименование «Frisia»). Совсем недавно Пельман (H. A. Poelman, Geschiedenis van den Handel van Noordnederland gedurende het Merovingische en Karolingische Tijdperk, с 130 и ел., Амстердам, 1908) пытался доказать, что «panni Frisonum» являются принадлежностью исключительно Фрисландии. Впрочем, аргументация его неубедительна, и все его доказательство рушится, поскольку он не читал работы Гепке. Возражения г. Вилькенса, изложенные в его интересном исследовании Zur Geschichte des

К сожалению, у нас слишком мало данных, чтобы составить себе ясное представление об экономических основах этого примитивного производства сукон. Все, что мы знаем о нем, сводится к тому, что оно было чисто деревенским: мастерские находились в крупных поместьях и у крестьян, имевших овчарни. Фризские сукна, привлекавшие к себе внимание на ярмарках Сен-Дени уже во времена Меровингов, распространились в IX веке по всей Западной Европе. По Рейну, Шельде и Маасу они проникали далеко в глубь Европы. Они, несомненно, являлись основной статьёй внешней торговли, которую обитатели Бельгии уже в то время вели с Великобританией и Скандинавией через порты Квентовик (E'staples) на Канте¹, Дурстед и Утрехт на Рейне². У нас имеются вполне положительные данные об оживленных торговых сношениях этих городов с северными странами. Их монеты были найдены в Англии, а также на берегах Балтийского моря, и известно, что монеты Дурстеда послужили образцами для стариннейших шведских и польских денег. Сношения между языческими народами Севера и жителями Фландрии и Голландии были столь оживленными, что они обратили на себя даже внимание церкви. Недалеко от побережья, в монастыре Туру, была создана миссионерская школа, ставившая себе задачей обращение в христианство датчан.

Морская торговля, в свою очередь, содействовала развитию речной. На берегах больших рек создавались товарные склады и торговые пункты. Валансьен на Шельде и Маастрихт, расположенный в том месте, где римская дорога пересекает Маас, были уже во время Карла Великого важными средоточиями купцов и судовладельцев⁴.

Нет надобности развивать далее этого беглый обзор. Сколь бы неполным он ни был, однако его достаточно, чтобы показать, что каролингская культура в ее разнообразнейших проявлениях именно в Нидерландах нашла свое, пожалуй, самое полное и, если можно так выразиться, наиболее классическое выражение. В силу редко встречающегося счастливого стечения обстоятельств различные элементы, содействовавшие ее

Niederl'andischen Handels im Mittelalter. Hansische Geschichtsbl'atter, 1908, S. 330 u. ff, также неубедительны. Автор решительно ошибается, полагая, что овцеводством занимались во Фландрии до XI века только в pagus Rodanensis, т. е. на берегах Звина.

P. Fengler, Quentowic, seine maritime Bedeutung unter Merowingern und Karolingern. Hansische Geschichtsbl'atter, 1907, S. 91 u. ff.

В написанной в X веке Одбертом *La Passio Friderici Trajectensis episcopi*. Mon. Germ. Hist. Script., т. XV, с. 354, указывается с явным преувеличением, что в этом городе имелось 55 церквей до его разрушения норманнами. По поводу торговли Бельгии с Севером см. *Al. Bugge, Die Nordeurop'aischen Verkehrswege*. Zeitschrift fur Social-und Wirtschaftsgeschichte, Bd. IV (1906).

V. Gaillard, Recherches sur les monnaies des comtes de Flandre, p. 16 (Gand, 1857); M. Prou, Les monnaies caronigiennes, p. 10 (Paris, 1896).

Eginhard, Translatio Ss. Marcellini et Petri. Mon. Germ. Hist. Script., т. XV, с 238 и сл.

созданию, в бассейнах Шельды и Мааса находились в состоянии полнейшего равновесия. Географическое положение Нидерландов вместе с разноплеменностью населения прекрасно подготовили их к восприятию культуры, скорее универсальной и христианской по своему характеру, нежели национальной, такой, к которой стремился Карл Великий и которая на протяжении всей их истории — несмотря на все испытанные ими политические превратности — никогда здесь не исчезала и не переставала развиваться. Эти области без названия и без точных границ навсегда сохранили свой неподдающийся точному определению каролингский характер, отличающий их от других европейских стран. И, разумеется, не без оснований жители их уже с давних пор забыли свои национальные традиции и эпические сказания сподвижников Хлогиона и Хлодвига, выдвинув на первое и наиболее почетное место в своих исторических легендах фигуру Карла Великого.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЕРЦОГСТВА ЛОТАРИНГСКОГО И ГРАФСТВА ФЛАНДРСКОГО

I

За пятьдесят лет, прошедших со времени смерти Людовика Благочестивого, Нидерланды претерпели территориальные изменения, столь же многочисленные и так же поспешно следовавшие друг за другом, как это имело место тысячу лет спустя, в конце XVII и начале XIX в.¹ В этом нет ничего удивительного. Так как Нидерланды расположены были на окраинах *Francia Occidentalis* — будущей Франции, и *Francia Orientalis* — будущей Германии, то по их территории проходила граница, разделявшая эти два больших западноевропейских государства. Но прежде чем эта граница приняла направление, сохранившееся почти без всяких перемен вплоть до царствования Карла V, она неоднократно отклонялась то к востоку, то к западу, в соответствии с исходом войн и условиями договоров. Никогда, однако, и это необходимо еще раз подчеркнуть, она во время этих своих отклонений не совпадала с этнической и языковой границей в этих областях. Преемники Карла Великого поделили между собой Нидерланды, не сообразуясь с населявшими их народами.

Верденский договор (843 г.) положил начало целому ряду столь частых с этого времени в истории Бельгии разделов. На основании этого договора территории, находившиеся между Рейном и Шельдой, вошли в состав империи Лотаря, в то время как земли, простиравшиеся от Шельды до моря, отошли к Карлу Лысому. Таким образом, Верденский договор разрезал Нидерланды на две части, которым суждено было объединиться

Относительно договоров Каролингской эпохи, касающихся Бельгии, см. *L. Vanderkindere, Histoire de la formation des principautés belges au moyen âge*, т. I, стр. 3 и ел. (Брюссель, 1902).

лишь шесть веков спустя. После смерти Лотаря (855 г.) его сыновья поделили между собой его расположенную в различных частях Европы империю; области от Северного моря до Юры составили королевство Лотаря II. Это королевство, где жили бок о бок фризцы, франки, аламаны и валлоны¹, получило название, которое вполне соответствовало его разнородному составу и которому суждено было приткнуться; за отсутствием лучшего наименования, его назвали по имени самого государя «Лотарингией» (*regnum Lotharii, Lotharingia*)². В его состав входили самые лучшие и самые известные части каролингского государства³. Здесь находились имперский город Аахен, церковные резиденции Кельн и Трир и, наконец, прославленные своими виноградниками районы по Рейну и Мозелю, являвшиеся предметом восхищения и зависти обитателей соседних областей. Поэтому вполне понятна поспешность, с какой Карл Лысый захватил эти земли, как только получено было известие о смерти Лотаря в Италии, 8 августа 869 г. Он спешно короновался в Меце 9 сентября и мог — увы, недолгое время — тешиться тем, что расширил границы своего государства до Рейна. Впрочем, как сказано, они лишь очень недолго простирались до Рейна. Протесты Людовика Немецкого и опасения, как бы не вспыхнула из-за этого война, заставили Карла пойти на уступки. 8 августа 870 г. произошло свидание между обоими братьями в Мерсене, около Маастрихта, и они поделили между собой пополам наследие своего племянника.

Я буду впредь обозначать в этой работе названием «валлоны» все романские народности Нидерландов. Действительно, это название «валлоны» (*waelen*) фламандцы издавна употребляли по отношению к своим соседям, говорившим на французском языке, применяя его равным образом и к обитателям Франции в собственном смысле слова, поскольку последние говорили на «галльском» языке (*gualonica lingua* или *waelsch*). В начале XIV в. автор «Гентских анналов» отличает еще «*Franci*» (жителей Иль-де-Франса), от общей совокупности «*Gallici*» (валлонов), т. е. людей, говорящих на французском языке вообще. Если стать на филологическую точку зрения, то в романской части Бельгии следует отличать два разных диалекта: во-первых, валлонский — в собственном смысле слова, на котором говорят в трех нынешних областях Льежа, Люксембурга и Намюра, на востоке Генегау и на юге Брабанта, и во-вторых, пикардийский диалект, распространенный на западе Генегау, в валлонской части Фландрии и в Артуа.

По мнению Паризо (стр. 748, см. ел. примеч.), название «Лотарингия» впервые встречается в «*Antapodosis*» Лиутпранда Кремонского, написанном между 958 и 962 гг. Название это происходит, собственно говоря, от германского родового имени «*Lothring*», т. е. «человек Лотаря». Ср. латинское «*Lotharienses*», как обыкновенно называли жителей Лотарингии с IX по XI в. По вопросу о размерах королевства Лотаря II см. *R. Parisot, Le royaume de Lorraine sous les Carolingiens, 843—923*, p. 92 и далее (Paris, 1899). Относительно всего, касающегося истории Лотарингии до 923 г., я отсылаю читателя к этой превосходной работе, автор которой стоит, если можно так выразиться, на лотарингской точке зрения.

Мерсенский договор значительно видоизменил карту Европы. Он уничтожил буферное государство, отделявшее до сих пор королевство Карла Лысого от королевства Людовика Немецкого, создав таким образом непосредственный контакт между этими обеими странами¹. Их общая граница шла в бассейне Мозеля довольно точно по линии, отделявшей людей, говоривших на германском языке, от говоривших на романском²; но она отклонялась от нее на севере, где, проходя вдоль течения Урта и Мааса, передавала почти всю нынешнюю Бельгию в руки Карла Лысого.

Впрочем, последствия Мерсенского договора были очень недолговечны. Карл воспользовался смертью своего брата (28 августа 876 г.) для захвата областей, которые он вынужден был уступить ему в 870 г. Но сын последнего, Людовик Младший III³, выступил против него, и 8 октября 876 г. обе армии встретились около Андернаха. Впервые немцы и французы противостояли друг другу на поле битвы⁴ и — подобно тому, как это часто бывало впоследствии — ставкой в борьбе была Лотарингия. Карл был побежден, и последовавшая вскоре затем смерть его (6 октября 877 г.) не позволила ему возобновить свою попытку. Людовику III Младшему повезло больше. Он сумел искусно использовать смуты, разразившиеся во Франции после смерти Людовика Косноязычного (10 апреля 879 г.), и заставил уступить себе все территории, приобретенные некогда Карлом Лысым по Мерсен-скому договору. На этот раз Лотарингия была полностью присоединена к Германии, западная граница которой вследствие этого переместилась с Мааса на Шельду.

Это положение, лишь ненадолго изменившееся во время очень недолговечного объединения различных частей империи Карла Великого под скипетром Карла Толстого, вновь было восстановлено в момент, когда вследствие низложения этого государя (887 г.) различные части монархии навсегда отделились друг от друга, превратившись в соответствующее число отдельных государств. Лотарингии не удалось, подобно Бургундии, на которую она походила отсутствием в ней географического и этнического единства, образовать независимое королевство. Она осталась, после нескольких безуспешных попыток добиться независимости, составной частью Германии.

Сохранились, однако, некоторые особенности, характерные для Лотарингии тех лет, в течение которых она принадлежала Карлу Лысому. Действительно, последний датировал особым образом грамоты, относящиеся к этой стране. *Parisot*, *Le royaume de Lorraine*, p. 379; *Vanderkindere*, *Origines*, t. II, p. 8. *R. Parisot*, *Le royaume de Lorraine*, p. 370 и далее.

Это был второй сын Людовика Немецкого. Ему должны были принадлежать западные части королевства последнего. См. *Parisot*, *op. cit.*, p. 414. *Dummler*, *Geschichte des Ostfränkischen Reichs*, Bd. III, S. 37 (Leipzig, 1888).

II

Тем временем, пока между королями шла борьба за территорию Нидерландов, последние отданы были на произвол всем ужасам анархии и вражеских нашествий. Если они сумели больше, чем все остальные области, воспользоваться благами каролингской культуры, то зато они сильнее, чем другие, испытали также на себе бедствия, постигшие империю после смерти Людовика Благочестивого. Благодаря своему центральному положению, они раньше всех подверглись воздействию как внешних, так и внутренних причин, приведших к гибели строй, созданный Карлом Великим.

Страна, покрытая богатыми монастырями и королевскими резиденциями и открытая на большом протяжении с моря, благодаря устьям своих рек, издавна должна была привлекать к себе внимание норманнов. В 820 г. упоминается их первое нападение на фламандское побережье, с небольшой флотилией, состоявшей из тринадцати лодок; это нападение было легко отбито¹. Но вскоре начались массовые нападения, и варвары, многие из которых, несомненно, знали страну, так как они бывали в свое время в ее гаванях, наметили систематический план вторжения. Отныне они были непобедимы. Ни императоры, ни короли не оказали им серьезного сопротивления, так как они были втянуты в войны или в политические междоусобицы, на которые уходила вся их энергия. Начиная с 834 г. вся приморская область, прорезанная рукавами Мааса, Рейна и Шельды, попала в руки норманнов, и хронисты отмечают, что ее некогда столь многочисленное население почти полностью исчезло². Цветущий порт Дурстед, разграбленный четыре раза подряд (834—837 гг.), превращен был в груды развалин; Утрехт, церковный центр области, был разрушен (857 г.). Казалось даже, что на севере Нидерландов, вот-вот создается языческое скандинавское государство, так как в 850 г. император Лотарь, не будучи в состоянии отразить нападение викинга Рёрека (Rorek), отдал ему в ленное владение берега Вааля, а в 882 г. Карл Толстый возобновил эту уступку в пользу другого варвара, Готфрида³.

Уже с конца VIII в. берега Северного моря были защищены Карлом Великим от норманнов подобно тому, как они были укреплены некогда римскими императорами от набегов саксов. *Abel-Simson*, *Karl der Grosse*, Bd. II, S. 208 (Leipzig, 1883); *W. Vogel*, *Die Normannen und das Frankische Reich*, S. 54 (Heidelberg, 1906).

Alfried, *Vita S. Liudgeri*, lib. I, c. 27: «*Nam concrematae sunt aecclisiae, monasteria defuncta, deserta ab habitatoribus praedia, in tantum ut... regiones maritimae, quas prius multitudo tenebat hominum, pene sint in solitudinem redactae*». («Ибо церкви сожжены, монастыри уничтожены, поместья покинуты своими обитателями, настолько, что... приморские области, в которых прежде жило множество людей, теперь обратились почти в пустыню»).

О размерах владений Рёрека и Готфрида во Фрисландии см. *Vogel*, *Die Normannen und das Frankische Reich*, S. 294 u. ff.

Прочно утвердившись на севере, норманны посылали по своему усмотрению вглубь страны экспедиции по очень удобным судоходным рекам, устья которых находились в их руках. Они методически продвигались вперед, заранее намечая себе сборные пункты и зимние квартиры, избегая слишком часто возвращаться в те области, где они уже раз были, искусно нанося свои удары через определенные промежутки времени и производя свои опустошения очень тщательно, как хорошо организованные коммерческие предприятия. Порт Квентовик, игравший на юге Нидерландов ту же роль, что и порт Дурстед на севере, был взят приступом в 842 г. и навсегда исчез с лица земли. В 850 г. викинги явились во Фландрию, сожгли Теруань и разорили Сен-Бертен. В 851 г. Гент был предан огню; в 852 г. долина Шельды была разграблена вновь. Вслед за тем той же участи подверглись в 859 г. Брабант и бассейн Соммы, а в 861 г. Сен-Бертен и Теруань были снова разорены варварами. Но как ни ужасны были эти опустошения, они были ничтожны по сравнению с теми опустошениями, которым эта область подверглась со времени появления «великой армии» норманнов, высадившейся здесь в 879 г.¹ Сделав исходным пунктом своего движения сначала Гент и Куртрэ, она прошла огнем и мечом по области Турнэ, Фландрии и Брабанту (879 г.), потом Турнэзи, Аррасу, Камбрэ (880 г.), а затем Генегау, Артуа и Понтье (881 г.). Оставив след за тем этот разоренный край, она направилась на восток и создала в Эльсло, около Маастрихта, своего рода укрепленный лагерь, опираясь на который, она систематически грабила всю соседнюю область: Маастрихт, Тонгр, Льеж, Сен-Трон, Аахен, Мальмеди, Ставело, Инда, Прюм. После договора, под которым не постеснялся подписаться Карл Толстый, «великая армия» обосновалась с 882 г. до 884 г. в Кондэ и покинула этот пункт, — во время пребывания в котором она разграбила Генегау, Артуа и Пикардию, — лишь для того, чтобы переселиться в Лувен. Из этого лувеннского лагеря она в следующем году направилась к Сене, оставив на некоторое время страну в покое. Она снова появилась здесь лишь в 891 г., когда ее отряды произвели безуспешное нападение на Сент-Омер, распространились по Фландрии, а затем продвинулись до Мааса.

Разрозненные усилия некоторых графов и некоторых епископов не могли ничего изменить и не в состоянии были справиться с этими нападениями, проводившимися столь искусно и последовательно. Подвиги Франкона, которого так восторженно прославил поэт Седулий², не могли предотвратить гибели Льежа, подобно тому, как подвиги Вала, павшего геройской смертью с оружием в руках, не могли помешать разрушению Меца. Единственной надежной защитой от норманнов служили лишь

Подробное изложение этих событий см. *Vogel, Die Normannen*, S. 260 u. ff. *Sedulii, Scoti carmina*, ed. Traube, II, N LXVI, p. 220. Ср. также *Dummler, Ostfränkisches Reich*, Bd. II, S. 249, Anm. 2.

крепости, так как норманны не знакомы были с искусством осады. В связи с этим повсюду вокруг монастырей, епископских, резиденций и важнейших жилищ сеньоров стали воздвигать укрепленные стены (*castra*), за которым окружающее население искало себе прибежища в моменты опасности и которые следует считать отдаленными предшественниками городов, порожденных торговлей два века спустя¹.

Победа, одержанная при Лувене германским королем Арнульфом Каринтийским в октябре 891 г.², положила, наконец, предел набегам пиратов. Дело было не в том, что он нанес им сокрушительный удар, а в том, что к этому времени Скандинавия перестала выбрасывать на материк банды авантюристов, и к тому же разоренная вконец страна не сулила больше викингам достаточно обильной добычи³.

Но, очистив территорию Нидерландов, норманны оставили их не только опустошенными и покрытыми горами развалин. Во время вызванной ими анархии и всеобщей неустойчивости произошли огромной важности события. К востоку и к западу от Шельды образовались локальные династии, и с этого времени наше внимание должно быть обращено на тех фландрских графов и лотарингских герцогов, судьбы которых были столь различны и с которыми главным образом связан интерес, представляемый политической историей Нидерландов раннего средневековья.

III

Немногие имена, сохраненные историей Нидерландов до IX в., это имена миссионеров, епископов или аббатов. Но с этого времени здесь начинают все чаще встречаться имена светских людей. Светская аристократия теперь уже прочно конституировалась, она прошла уже свой первоначальный период и перестала быть безыменной группой, находящейся в процессе своего формирования. Уже в льстивых и просительных стихах

Епископы Льежа, Камбрэ и Утрехта укрепили свои резиденции в X в. см. *Hirsch*, *Jahrbuch des Deutschen Reichs*, unter Heinrich II, Bd., I, S. 97. По поводу отсутствия укреплений до этого времени см. *Parisot*, *Histoire du royaume de Lorraine*, p. 55, n. 2.

² Относительно точной даты этого сражения, имевшего место не 1 октября, как это принято думать, а около 20 октября, см. *A. Dopsch*, *Eine neue Urkunde König Arnulfs und die Schlacht an der Dyle*, *Mittheil. des Instituts für Oesterr. Geschichtsforschung*, 1894, S. 367.

³ После сражения при Лувене банды норманнов продолжали ещё, то тут, то там, беспокоить Голландию до начала XI в. Разбойничьи нападения на побережье и даже на Аквитанию происходили до XI в. См. *F. Lot*, *Les corps saints de Bretagne*. *Annales de Bretagne*, nov. 1899; *W. Vogel*, *Die Normannen und das Frankische Reich*, S. 373 u. ff. С другой стороны скандинавы поселились, в целях торговли, в X в. в Утрехте и во Фландрии, см. *Al. Bugge*, *Nordeuro-päische Verkehrswege*. *Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*, Bd. IV [1906] S. 253.

голодного поэта Седулия перед нами всплывают имена некоторых влиятельных в окрестностях Льежа лиц, вроде графа Роберта, который, возможно, был предком намюрских графов и которого бедный поэт награждал самыми лестными эпитетами, имевшимися в его распоряжении:

O decus eximium, nostrae spes aurea Musae.
Florida pomposi lampas et gloria saeculi¹.

(«О великолепное украшение, золотая надежда моей музы, цветущее светило и слава пышного века».)

Как и франкская аристократия вообще, аристократия Лотарингии и Фландрии является продуктом тех причин, которые привели повсюду в Европе к созданию феодального строя и на которых здесь нет надобности останавливаться подробнее. Они сводились в основном к все усиливавшейся концентрации земельной собственности в руках небольшой группы имущих, уменьшению класса свободных людей, переходивших в вассальную зависимость или становившихся под покровительство сеньоров в качестве оброчных держателей (цензитариев), ослаблению государственной власти и связанному с этим присвоению себе должностными лицами прав, осуществлявшихся ими некогда от имени короля, или захвату ими порученных им административных округов (графств). К этим различным факторам мы должны, однако, прибавить еще один, влияние которого было, по-видимому, в Нидерландах сильнее, чем во всех других странах, а именно то, что местные властители присвоили себе аббатства. Действительно, в течение IX в. почти все монастыри перешли, если не юридически, то фактически, в обладание вотчинной родовой знати². Последняя воспользовалась бегством служителей церкви во время норманнских набегов, чтобы присвоить себе их владения³. Варвары расхитили сокровища монастырей, а дворяне захватили их земли. Они обосновались в храмах, обратили доходы, предназначавшиеся на пропитание монахов, на содержание своих слуг, охотничьих собак и лошадей, отдали в ленное владение своим вассалам «господские дворы» и «возделанные земли» аббатств и распространили под видом фогтов свою юрисдикцию на свободное население. В течение нескольких лет огромные земельные богатства, столетиями накопленные церковью благодаря дарениям верующих, были присоединены к владениям аристократии, которая стала отныне пользоваться непоколебимым политическим авторитетом и общественным влиянием.

Sedulii, Scoti carmina, ed. Traube, II, N XXXVI, p. 200.

Некоторые характерные примеры см. у *Dummler*, *Ostfrankisches Reich*, Bd. I, S. 279; Bd. II, S. 107, 285, 290; Bd. III, S. 152.

Аналогичное положение наблюдалось в Баварии после беспорядков, связанных с нашествиями венгров. *Hauck*, *Kirchengeschichte Deutschlands*, Bd. III, S. 279.

Это обнаружилось с первых же шагов плачевного царствования Лотаря II. Король, опозоренный своей скандально личной жизнью, униженный папой и обескураженный отсутствием законного наследника, тотчас же сделался игрушкой в руках аристократии'. Он позволил членам этого сословия разделить между собой последние остатки коронных земель и, чтобы купить себе их верность или заплатить им за их расположение, вынужден был ограбить церковь. Его слабость была для аристократов слишком выгодна, чтобы они склонны были после него признать авторитет более сильных государей. После его смерти большинство из них объединилось вокруг его побочного сына Гуго и не признало ни Мерсенского договора, ни в дальнейшем объединения Лотарингии с королевством Людовика III Младшего.

Целью Гуго было сохранить Лотарингское королевство, расположенное посередине между Францией и Германией, и возложить на себя корону. Он был поддержан аристократией, несомненно, не в силу каких-нибудь национальных чувств, которых не могло быть в этой стране, возникшей благодаря случайному переделу наследственных земель между Каролингами. Но аристократы отлично понимали, что они могли потерять, сделавшись подданными Карла Лысого или Людовика Немецкого, и что они, наоборот, могли выиграть, став на сторону короля, с которым они, несомненно, могут обращаться, как хозяева. К тому же анархия и гражданские смуты могли быть им только на руку, и не подлежит никакому сомнению, что именно с этого времени лотарингские дворяне стяжали себе репутацию людей беспокойного и буйного нрава, репутацию, надолго сохранившуюся за ними².

Претендент на престол и его приверженцы не стеснялись в выборе средств для осуществления своих целей. Они дошли под конец до союза с норманнами. Едва только Гуго выдал свою сестру Жизель замуж за викинга Готфрида и собирался вместе с ним предпринять поход против Карла Толстого, как он неожиданно попал в руки своих врагов. Он был ослеплен и сослан в аббатство Прюм, где хронист Регино собственными руками постриг его и где он закончил свои дни³.

Катастрофа, постигшая Гуго, на время приостановила планы аристократии. Но события, в которых она недавно приняла участие, несомненно,

Хотя Лотарь, несомненно, был мало выдающимся королем, но он подвергся, на наш взгляд, слишком суровой оценке. Кальмет (/ *Calmette*, *La diplomatic carolingienne du traite de Verdun a la mort de Charles le Chauve*) полагает, что упорное требование Лотарем развода, поссорившее его с папой Николаем I, объясняется не только его страстью к своей возлюбленной Вальдраде, но и в значительной мере и тем, что его жена была бесплодна и что у него был сын от Вальдрады. *Ruotger*, *Vita Brunonis*, c. 37 ed. in 8°, p. 38; *Widukind*, *Res gestae Saxoniacae*, lib. I, c. 30, ed. in 8°, p. 25. *Reginon*, *Chronicon*, ed. F. Kurze, an. 885, p. 115.

содействовали возникновению среди ее членов, как германской, так и романской расы, довольно сплоченной солидарности. В 887 г., когда низложение Карла Толстого послужило сигналом к окончательному раздроблению империи Карла Великого, она вся, как один человек, высказалась за Арнульфа Каринтийского, т. е. за короля Германии, а не за короля Франции, Эда Парижского. Возможно, что Арнульф обязан был присоединением к нему лотарингских аристократов тому престижу, который внушало его королевское происхождение. К тому же он понимал, что ему следует быть с ними обходительным. То ли потому, что он принял на себя определенные обязательства по отношению к ним, то ли потому, что он желал, дав удовлетворение их стремлениям к независимости, пресечь возможные попытки восстания, но он восстановил в 895 г. независимость Лотарингского королевства в пользу своего сына Цвенти-больда¹.

Цвентибольд был первым из тех государей-чужеземцев, которые впоследствии так часто навязывались Бельгии в силу различных политических соображений². Он явился в Лотарингию, не имея в стране никаких связей, не пользуясь никакой поддержкой у мятежных и беспокойных феодалов, распоряжавшихся здесь всем. Он мог расположить их к себе щедротами, если бы королевские земли не перешли уже давно в их руки³, но так

Дюммлер (*Ostfränkisches Reich*, Bd. III, S. 410) и Паризо (*Le royaume de Lorraine*, p. 506) полагают, что Арнульф действовал главным образом в интересах своего побочного сына, Цвентибольда, которого рождение Людовика-Дитяти лишило надежды когда-либо наследовать ему. По мнению Вандеркиндере (*Vanderkindere, Origines*, t. II, p. 50) целью этого мероприятия было помешать лотарингской аристократии перейти на сторону Франции. Он ссылается на то, что До 895 г. Рауль, граф Камбрэ, не признавал Арнульфа. Этот пример не очень убедителен, так как Рауль был братом графа Фландрского, Балдуина II, и принадлежал таким образом к роду, находившемуся в вассальной зависимости от Франции. — О королевской власти Цвентибольда — С. *Eiten*, *Das Unterkönigtum im Reiche der Merowinger und Karolinger*, S. 189 (Heidelberg, 1907). Факты приводимые автором в доказательство известной зависимости Цвентибольда от Арнульфа, объясняются попросту сыновней почтительностью. Новое королевство пользовалось, по-видимому, полнейшей независимостью. Ср. *Parisot*, *op. cit.*, p. 519.

Лотарингия Цвентибольда была несколько меньше страны Лотаря II, по крайней мере на юге, где некоторые территории перешли к Бургундскому королевству. На севере ему, быть может, не принадлежала Фрисландия (восточная). См. *Parisot*, *Le royaume de Lorraine*, p. 524, а также *Eiten*, *Das Unterkönigtum im Reiche der Merowinger*, S. 191. Соображения, приводимые последним, вопреки сомнениям, выдвинутым Паризо, в доказательство того, что Фрисландия принадлежала Цвентибольду, недостаточны.

Так обстояло дело уже в царствование Лотаря II. В одном из дипломов этого короля говорится буквально следующее: «Cum nos beneficia regni nostri inter fideles nostros dignum distribuere iudicavissimus, contigit ut, necessitate compulsi, propter parvitatem ipsius regni quamdam partem rerum ex monasterio Stabulaus... beneficiario munere quibusdam fidelibus nostris concederemus». *Martene et Durand*, *Amplissima Collectio*, t. II, стр. 26. («Когда мы сочли достойным распределить

как он был беден, то ему сейчас же пришлось вступить в борьбу, и его гибель была заранее предreshена. Сторонники Гуго заключили против него союз. Во главе их стала первая крупная личность в феодальной истории Нидерландов, самый законченный тип лотарингского властителя того времени, Ренье Длинношей.

Действительно, Ренье Длинношей, в противоположность Цвентиболь-ду, предстает перед нами как воплощение лотарингского феодализма. От него пошли князья, которые правили впоследствии в Генегау и Брабанте, и на протяжении двух веков его потомки были самыми ожесточенными врагами нидерландских сюзеренов. Он был, по-видимому, сыном некоего графа Гизельберта/в середине IX века похитившего у императора Лотаря I его дочь Эрменгарду. Таким образом в его жилах текла каролингская кровь, и его наследственные земли тоже находились в области, являвшейся колыбелью Каролингов. Его владения рассеяны были в Арденнах, Генегау, Газбенгйу, Брабанте и вдоль нижнего течения Мааса. Кроме того, он был светским аббатом богатых монастырей в Эхтернахе, Ставело-Мальмеди и св. Сервация (в Маастрихте)¹. Тысячи крестьян и сотни вассалов, живших на его землях, принадлежали к обеим национальностям страны, и он сам, которого все эти люди одинаково приветствовали как своего повелителя и который говорил на обоих языках этой страны, вряд ли мог бы с точностью сказать, был ли он по происхождению фламандцем или валлоном. И именно в этом заключалось его своеобразие: этим он резко отличался от германских герцогов того времени, от всех этих герцогов саксонских, баварских, франконских, которые были естественными представителями соответствующих различных племенных групп. Он не был, подобно им, национальным вождем; его власть не покоилась, подобно их власти, на этнической основе; группировавшиеся вокруг него люди отличались друг от друга своими обычаями, языком и своим физическим типом. Они не повиновались, подобно их восточным соседям, своему племенному инстинкту, который вместо того, чтобы объединить их, неизбежно разделил бы их. Этот столь действенный в других местах инстинкт был бессилён в этих областях, испытавших на себе сильное влияние церкви и Каролингов; короли слишком часто делили эти области между собой, и они едва оправались от бедствий, причиненных норманнами. К тому же Ренье не мог рассчитывать на широкие массы народа, т. к. они не пользовались здесь совершенно никаким влиянием. Одна лишь аристократия принимала участие в событиях, и эта аристократия, наполовину романская, наполовину германская, могла себе избрать лишь такого

бенефиции нашего королевства между нашими верными людьми, то нам пришлось в силу необходимости, из-за незначительности королевских земель, уступить некоторые из наших верных в качестве бенефициев некоторую часть владений монастыря Ставело ».) *Dummler, Ostfrankisches Reich, Bd. III S. 466.*

повелителя, как Ренье Длинношей, т. е. повелителя без определенной национальности, в котором видели только крупного феодального сеньора.

В борьбе с Цвентибольдом Ренье впервые применил ту политику, которую усвоили с тех пор его преемники в борьбе против своих германских сюзеренов. Он вступил в союз с Францией, король которой, Карл Простоватый, был Каролингом и отнюдь не забыл притязаний своих предков. Несмотря на поддержку, оказанную ему епископами, Цвентибольд не мог устоять против коалиции своих врагов. Он умер с оружием в руках, в незначительном сражении (13 августа 900 г.), и вместе с ним навсегда исчезло то Лотарингское королевство, которое бургундские герцоги попытались восстановить шесть веков спустя. Впоследствии сложилась благочестивая легенда о молодом государе, царствование которого было столь недолговечным и столь несчастным; его причислили к лику святых, и в течение долгого времени один зуб его, хранившийся в аббатстве Сюстерен, считался реликвией¹.

Гибель Цвентибольда сделала Ренье повелителем Лотарингии между Маасом и Шельдой. Не имея никаких других прав, кроме тех, которые давало ему могущество и богатство, он тем не менее пользовался здесь почти неограниченной властью, и современные ему хронисты, не зная, как его величать, называли его «missus» (государев посланец), «dux» (герцог) и «marchio» (маркграф). Германский король Людовик-Дитя, к которому за отсутствием потомства у Цвентибольда опять перешла Ло-тарингия, тщетно противопоставил ему епископов и графа Франконского Гебгарда, получившего герцогский титул. После смерти Людовика Ренье отказался признать Конрада Франконского, и, чтобы обеспечить себе независимость от Германии², присягнул французскому королю Карлу Простоватому, который был тогда слишком слаб, чтобы он мог представлять какую-нибудь опасность (911 г.)³. Карл принял на себя владение страной, но оставил ей ее независимость⁴. Ренье продолжал занимать в Лотарингии первое место. Когда он умер в 915 г., в своем Мерсенском дворце, в том самом дворце, где некогда происходил раздел Лотарингии между Каролингами, его власть была так прочна, что его сын Гизельберт наследовал ему, не встретив никакого сопротивления.

Хронист Рихер оставил нам очень живой портрет Гизельберта, самый древний из сохранившихся в нидерландской истории. Он был небольшого роста, но крепкий и всегда находился в движении. Глаза его непрерывно так бегали, что никто не мог определить их цвета. Снедаемый честолюбием,

Acta Sanctorum Boll., август, т. III, стр. 138.

Помимо всяких политических соображений, это поведение объяснялось престижем, которым обладала в Лотарингии королевская династия, прекратившая свое существование в Германии вместе с Людовиком-Дитятей, но продолжавшая править во Франции.

A. *Eckel*, Charles le Simple, p. 97 et suiv. (Paris, 1900); *Parisot*, Le royaume de Lorraine, p. 576 et suiv.

Richer, *Historiae*, lib. I, c. 35.

он готов был на все для достижения своих целей. Самая беззаветная храбрость сочеталась у него, как и у многих его современников, с хитростью и вероломством. Современники подозревали его в том, что он стремился стать королем Лотарингии, и его поведение делает эти подозрения чрезвычайно правдоподобными¹.

Его интриги вскоре поссорили его с Карлом Простоватым. Для борьбы с ним он обратился за помощью к Германии, от которой в свое время отвернулся Ренье и сумел добиться признания короля Генриха Птицелова, продолжая таким образом ту политику балансирования, пример которой был дан ему его отцом. Позднее он притворился, что хочет примириться с Карлом, но лишь для того, чтобы предать его и принять деятельное участие в восстании, давшем корону Франции Роберту Парижскому. После смерти последнего он отказался, однако, повиноваться его преемнику, Рудольфу Бургундскому, и снова вернулся к Генриху. Усиление германского короля не замедлило внушить ему тревогу; он сблизился с Рудольфом, но было уже слишком поздно. В 925 г. Генрих вступил в Лотарингию во главе могучей армии и заставил аристократию присягнуть себе.

925 год был одним из решающих в истории Нидерландов. Он не только положил предел длительным колебаниям Лотарингии между Францией и Германией, но и покончил с политической независимостью, которой эта страна пользовалась со времени царствования Цвентибольда и, объединив ее с Германией, окончательно установил на Шельде границу этого государства. Отныне «Regnum Teutonicorum» простиралось до Валансьена и Камбрэ, и бронзовый орел, помещавшийся на вышке Аахенского дворца, обращен был теперь лицом к западу, в знак его покорности и признаний им сюзеренной власти Германии.

Генрих, однако, избегал разрыва с Гизельбертом. Он оставил ему титул и права герцога и выдал за него замуж свою дочь Гербергу. Умирая, он мог надеяться, что этот беспокойный человек окончательно смирился и Лотарингия умиротворена. Вначале казалось, что события оправдали эти надежды. Гизельберт присутствовал при коронации Оттона I в Аахене, принес ему присягу на верность и исполнял обязанности камерария во время праздничного пиршества, последовавшего за церемонией. Однако он ничего не забыл из своих планов. Как только разразилось

«Meditabatur quoque regis objectionem admodum, ac plurimum id pertractabat apud eos qui in Belgica poriores videbantur, non quidem Rotberto, sed sibi regnum affectans». *Richer, Ibid.*, с. 36. Согласно Лиутпранду, *Antapodosis, lib. IV*, с. 23, приводимому Ph. Lauer, *Louis d'Outre-Mer.*, р. 48, п. 1 (Paris, 1900) («Он также весьма помышлял о свержении короля и успешно старался нащупать для этого почву у тех, которые считались наиболее могущественными в Бельгике, стремясь завладеть королевской властью не для Роберта, а для себя») Эбергарт Франконский предсказал жене Гизельберта, что ее муж вскоре станет королем: «Jocundare, inquit, in gremio comitis, brevi laetatura in amplexibus regis» («Ты веселишься на груди у графа, скоро будешь радоваться в объятиях короля»).

восстание Генриха Баварского и Эбергарда Франконского, поставившее под угрозу трон Отгона, он сразу оказался в рядах заговорщиков. Победенный при Биртене, а затем осажденный в своем замке в Шев-ремоне, он остался непоколебимым в этой последней борьбе, где дело шло о его судьбе. Он попытался еще раз натравить друг на друга Германию и Францию и призвать на помощь Людовика IV Заморского. Сам же он двинулся по направлению к Рейну навстречу армии Отгона. Это был его последний поход. Подвергшийся неожиданно нападению около Андернаха и окруженный врагами, он пытался спастись, пустив свою лошадь вплавь по реке, но был увлечен потоком и погиб в волнах (2 октября 939 г.)¹.

IV

Между тем как Лотарингия, долгое время балансировавшая между Францией и Германией, была, наконец, прочно присоединена к этой последней державе, судьба территории, расположенной между Шельдой и морем, сложилась совершенно иначе. Отойдя по Верденскому договору к королевству Карла Лысого, она никогда не оспаривалась у него и не пыталась отделиться от него. Как мы видели, Верденский договор, не приняв в расчет национальности нидерландских народов. Благодаря ему Франция с самого начала Средних веков имела в лице Фландрии на своей северной границе германскую область подобно тому, как в свою очередь Германия, обладательница валлонских частей Лотарингии, имела на своей западной границе романскую область.

В то время как Лотарингия обязана была своим названием и своим территориальным единством королевству, порожденному разделами каролингской монархии, Фландрия была чисто феодальным образованием. Ее название означало первоначально приморскую область, расположенную к северу и к западу от Брюгге². Отсюда была родом могущественная семья,

По поводу этой даты см. / *Depoin*, La mort du due Gislebert de Lorraine в «Le Moyen Age», 1907, p. 82 и далее.

В IX и X вв. это слово всегда встречается во множественном числе: Flandriae, comes Flandriarum. Это форма встречается еще иногда и в XII в., например у Гальберта. В XI и XII вв. авторы отличают Flandrenses (фландрцев), в собственном смысле — от других жителей Фландрского графства. См., например, *Miracula S. Ursuari*. Mon. Germ. Hist. Script., т. XV с. 838: «maxime autem in Flandriis ubi cum Menapenses, Waciacenses et ipsos Flandrenses sanctus Ursuarius convertisset, etc.». *Add. Colbert de Breges*, Histoire du meurtre de Charles le Bon, ed. H. Pirenne, p. 80 (Paris, 1891). («а более всего во Фландрии, где святой Урсмар обратил в христианство менапиев, ваасцев и самих фландрцев...») Этимология слова «Фландрия» крайне спорна. По поводу дававшихся в старину решений его, ни одно из которых, однако, не удовлетворительно, см. *L. Vanderkinder*, Formation territoriale des principautés belges, t. I, p. 44. Сюда надо прибавить гипотезу Мюллера [*S. Muller*, De civitates van Gallie. Verhan-

которой вследствие слабости королей и политического хаоса во Франции в IX и X вв. удалось путем смелых захватов присоединить к своим первоначальным владениям все графства, расположенные от нижнего течения Шельды до реки Канш, объединить их под своей властью и создать из них под конец одно из наиболее прочных и наиболее живучих княжеств, какие только знала Европа в Средние века¹.

Нам почти ничего не известно о раннем периоде истории Фландрии. О происхождении графства Фландрского издавна сложилось легендарное предание. Хронисты сообщают: во времена всемогущего короля Франции Карла Великого здесь находилась бесплодная земля, ничего не стоившая и покрытая болотами, и на этой земле жил преблагородный барон и назывался он Лидрис². Этот Лидрис, или Лидерик, сир Гарлебекский, получил, по-видимому, в ленное владение от Карла эту занимаемую им «бесплодную землю». Его сын Энгеран, а затем его внук Одасэ (Audacer) имели, подобно ему, звание королевских лесничих (forestarii), и именно этих людей, история которых самым причудливым образом переплетена с рассказами, где фигурируют демоны и великаны, могущественная династия, созданная Балдуином Железная рука, почитала самыми ранними своими предками. В запутанном клубке этих сказаний достоверны во всяком случае самые имена. Положительно известно, что в 836 г. умер некий граф Лидерик и что Энгеран, известный своим участием в раздорах и интригах последних Каролингов, носил, подобно Одасэ, титул графа и светского аббата монастыря Сен-Пьер в Генте. Так называемые королевские лесничие были, таким образом, попросту местными властителями, являвшимися одновременно должностными лицами, крупными земельными собственниками и владельцами аббатств, вроде тех локальных династий, которые можно встретить в это же время в Лотарингии. Они стали достоянием легенды, породившей их друг с другом и возведшей таким образом начало фландрской династии к временам Карла Великого³.

delingen der K. Akad. van Wetenschappen (Амстердам), Afd. Letterkunde, 1898, с. 17], основанную на сближении фламандцев с Catuslogi, народом, жившим, согласно Плинию (IV, 31), по соседству с менапиями. Наиболее вероятное объяснение принадлежит Веркули (/ *Vercoullie*, *L'etymologie de Vlaming et Vlaanderen*, *Bullet. Acad. Classe des Lettres*, 1903, p. 484 и далее, et 1906, p. 127). Оба эти слова произошли от фрисландской формы «Vlame», имеющей корнем глагол «vlieden» — «бежать». Фландрия была, таким образом, страной беглецов, и причиной этого названия послужило какое-то наводнение, которому подверглось морское побережье.

Еще в 853 г. капитулярый, изданный в Сервэ, сообщает нам о существовании нескольких графов и нескольких графств во фламандской области. *L. Vanderkindere*, *Le capitulaire de Servais et les origines du comte de Flandre*. *Bullet. de la Comm. royale. d'Hist.*, 5-e serie, t. VII (1897), p. 91 et suiv.

Kewyn de Lettenhove, *Histoire et Chroniques de Flandt*, т. II, с. 1 (Брюссель, 1879).

Относительно королевских лесничих во Фландрии (forestarii) см. *L. Vanderkindere*, *Le capitulaire de Servais*, p. 103.

Настоящая, не легендарная история Фландрии начинается только с Балдуина I или Балдуина Железного (Balduinis Ferreus), как его энергично именовали в наиболее ранних документах, или Балдуина Железная рука, как выражались впоследствии. Он, по-видимому, уже обладал значительным могуществом в северных областях бассейна Шельды, где он воевал с норманнами, когда внезапно смелый шаг решил его судьбу, необычайно возвысив его над всеми его окружающими. Ему удалось похитить дочь Карла Лысого и вдову англосаксонского короля Этельвольфа, Юдифь, из Санлиса, где она находилась под присмотром нескольких духовных лиц. Из-за своих интимных отношений со своим пасынком Юдифь вынуждена была незадолго до этого покинуть Англию (862 г.). Несмотря на протесты Карла, на его отказ согласиться на этот брак и угрозы, что он лишит Балдуина его ленных владений, последний и не подумал выдать свою супругу. Он сделал вид, будто хочет вступить в союз с норманнами, и опасения, как бы он действительно не выполнил свою угрозу, заставили реймского архиепископа Гинкмара и даже самого папу вступить в его пользу. После долгих и тяжких переговоров достигнуто было примирение, и Карл согласился признать своего нового зятя. Последний смог благодаря этому присоединить к своим родовым владениям богатое наследие своей жены и оставить своим преемникам, наряду с ореолом их каролингского происхождения, великолепный предлог для вмешательства во французские дела. Таким образом, во Фландрии, как и в Лотарингии, феодальная история началась одинаковым образом: похищение принцессы королевской крови, как здесь, так и там послужило причиной возвышения только что образовавшихся династий.

Балдуин II (879—918 гг.) сумел воспользоваться блестящим положением, доставшимся ему в наследство от его отца. Нашествия норманнов прекратились, и он мог всецело заняться расширением границ своего государства. Он, естественно, направил свои усилия на южную область, более богатую, более населенную и более доступную, чем территории, граничившие с его землями на севере и востоке. В оправдание своих захватов, он непрерывно вмешивался в гражданские смуты, происходившие в это время во Франции, переходя в соответствии с большей выгодой для себя то на сторону одного, то другого союзника, поддерживая то Эда против Карла Простоватого, то Карла Простоватого против Эда, неизменно преследуя своей политикой балансирования только одну цель — увеличение своего могущества и использование всегда и всякой возможности для приобретения новой добычи. Будучи кроме того неразборчивым в средствах, он не колебался в их выборе, подобно своим соседям Герберту Вермандуа или Вильгельму Нормандскому, не задумываясь, прибегал то к хитрости, то к силе. В эту эпоху, «когда рыцарский идеал не успел еще подчинить кодексу чести буйные души феодалов, убийство считалось *ultima ratio* (последним доводом) хищнической политики, путем которой созданы были первые территориальные княжества. Герберт Вер-

мандуа приказал убить Рауля, брата Балдуина, а позднее сам был убит по приказу графа Фландрского¹. Религиозные соображения не могли обуздать страсти последнего к завоеваниям и его жажды мести. В 900 г. он завлек в западню Фулька, реймского архиепископа, оспаривавшего его право на Аррас, и приказал убить его.

Балдуин II, подобно Ренье Длинношеему, был гораздо больше, чем простым графом. Возможно, что он принял уже титул маркграфа, которым продолжали пользоваться его преемники до начала XII в.² Он распространил свою власть почти на все земли, завоеванные франками во времена Хлогиона, т. е. на области Куртрэ, Турнэ, Артуа (в течение нескольких лет), Тернуа и Булонь, которые, хотя и сохранили своих особых графов, но были подчинены его власти³. Фландрия стала при нем граничить с Вермандуа и Нормандией. Ему принадлежала значительная часть морского побережья между Звином и Соммой. Со времени его царствования датируют также первые политические взаимоотношения между Фландрией и Англией: он женился на англосаксонской принцессе, дочери Альфреда Великого.

Балдуин I и Балдуин II подготовили почву, на которой со времени Арнульфа Старого развертывалась история Фландрии. Более удачливые, чем Ренье Длинношей и Гизельберт, они оставили после себя долговечное творение: созданное ими княжество является единственным из крупных французских феодальных владений, которое французской короне никогда не удалось поглотить.

A. Eckel, Charles le Simple, p. 57.

L. Vanderkindere, Formation territoriale des principautés belges, t. I, p. 42 и далее.

L. Vanderkindere, loc. cit., p. 45 и далее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

**ИМПЕРИЯ, ЦЕРКОВЬ
И ФЕОДАЛИЗМ В
НИДЕРЛАНДАХ
В X И XI ВЕКАХ**

После многих перемен, имевших место в каролингскую эпоху, равновесие между обеими территориальными группами, разделяемыми течением Шельды, было окончательно установлено. Расположенные вправо от нее земли составили часть Германской империи, между тем как лежавшие налево — отошли к Франции. Таким образом, если их рассматривать с точки зрения публичного права, то они кажутся сначала совершенно чуждыми друг другу, и лишь очень медленно, под влиянием хода политических событий и экономических причин, они постепенно сблизились друг с другом и в конце концов в XV веке объединились под скипетром бургундской династии. Действительно, история Бельгии в Средние века — это история части Германии и части Франции, которым удалось, сомкнувшись друг с другом, образовать новое государство между обеими крупными державами, от которых они отделились. Но нетрудно понять, что история этого государства, не может не быть связанной с историей Франции и Германии. Наоборот, она постоянно переплетается с ними; только через них она получила значение и именно в силу этого приобрела, если можно так выразиться, европейский характер. Не было ни одной крупной политической перемены, или какого-либо значительного идеологического движения между Эльбой и Пиренеями, которые не отразились бы на Нидерландах. Судьба феодальных династий Фландрии и Лотарингии всегда зависела от судеб их сюзеренов, и легко заметить, что в ответ на всякую перемену у последних происходило соответствующее изменение У первых. Почти полнейшая независимость, которой фландрские графы пользовались до XII века, объяснялась слабостью французского королевства в это время, — подобно тому, как могущество германских императоров в этот же период послужило причиной того, что лотарингские князья так медленно добились своей независимости.

I

Победа при Андернахе открыла новый период в истории Лотарингии. Она позволила Оттону I изъять эту страну из-под власти мятежной династии, созданной Ренье Длинношеим. Наученный последними событиями, император понял, что обладание герцогством будет ему обеспечено только в том случае, если он очистит его от тех национальных князей, которые использовали всякий благоприятный случай для того, чтобы поднимать восстания и не стеснялись прибегать к иностранной помощи против своего сюзерена, как только дело касалось их честолюбивых замыслов. Чтобы покончить с этой постоянно возобновлявшейся опасностью, чтобы защитить западную границу Германии от притязаний французских Каролингов, которые, чувствуя, что в бассейне Сены почва уходит у них из-под ног, пытались более настойчиво, чем когда-либо, стать хозяевами Лотарингии, необходимо было лишить эти области, расположенные на левом берегу Рейна, их относительной независимости и сделать их прочным оплотом против Франции¹.

Первые же шаги Оттона ясно свидетельствовали о том, что именно таковы были руководившие им соображения. Он доверил графу Оттону, сыну Риквина Верденского, воспитание Генриха, младшего сына Гизельберта, который, впрочем, лишь на несколько лет пережил своего отца², что касается герцогского титула, то он был отдан родному брату короля — Генриху, будущему герцогу Баварскому. Но Генрих, бесспорно, не обладал нужными качествами для управления страной, еще не оправившейся от последних восстаний. Первые же шаги его были неудачны, и после восстания (940 г.) у него пришлось заменить графом Оттоном, которого вскоре сменил Конрад Рыжий (944 г.), находившийся в родстве благодаря своему браку с королевской семьей. Это был твердый и энергичный человек, своего рода военный наместник, и, ощутив на себе его крепкую руку, аристократия впервые почувствовала, что времена переменялись. Он сделал Лотарингию германской провинцией и принудил к повиновению племянников Гизельберта⁴, которые, опираясь на свой замок в Монсе,

При известии о смерти Гизельберта французский король Людовик IV Заморский вступил в Лотарингию и тотчас же женился на Герберге, вдове герцога. Однако он не решился остаться в стране. Ph. Lauer, *Le regne de Louis IV d'Outre-Mer*, p. 48. Оттон предоставил ему владение несколькими «pagi» (Генегай, Газбенгау, Масалан), скорее под видом приданого Герберге. Parisot, *De la cession faite a Louis d'Outre-Mer par Otton I de quelques pagi de la Lotharingie occidentale. Annales de l'Est et du Nord*, 1906, p. 81 и далее.

Он умер в 943 или 944 г. L. Vanderkindere, *Formation territoriale*, t. II, p. 15. Возможно, что это восстание связано было с новой попыткой вторжения в Лотарингию со стороны Людовика IV Заморского. См. Lauer, *Le regne de Louis IV d'Outre-Mer*, p. 62.

Видукинд (*Widukind, Res gestae Saxonicae*, lib. II, c 28) говорит о «nepotes Isilberthi» (племянниках Гизельберта). Достоверно известно лишь об одном

все еще продолжали борьбу в лесах Генегау. Он внушил к себе ненависть, но в то же время и уважение¹, и благодаря его суровому управлению присоединение герцогства к Германской империи стало непреложным фактом.

Конрад наделен был страстной душой и буйным темпераментом. Оттон I дал ему поводы для недовольства собой, и самая дикая ненависть вскоре заняла место прежней преданности. Он принял участие в заговоре Ли-удольфа и, когда разразилось восстание (953 г.), выступил самым ожесточенным врагом Отгона I. При этом обнаружилось очень любопытное явление, бросающее яркий свет на природу лотарингского партикуляризма: вместо того, чтобы воспользоваться переходом герцога во враждебный лагерь и сбросить германское иго, аристократы остались верными императору. Не видно также, чтобы они в то время сблизились с Францией. Они стремились не переменить отечество, а освободиться от своего правителя, которого они считали узурпатором, с тем, чтобы восстановить под номинальной верховной властью Германии независимость, которой они до недавнего времени пользовались. Ренье III Генегауский вскоре увидел себя окруженными всеми недовольными и озлобленными непреклонностью и суровостью Конрада. Подобно Ренье Длинношеему в его борьбе с Цвентибольдом, он явился перед лицом ненавистного чужеземца воплощением сопротивления национального феодализма. Ожесточенное сражение разыгралось на берегах Мааса. Конрад был разбит и вынужден был бежать из той самой страны, которую он недавно заставлял трепетать, в которой он мог считать свое положение чрезвычайно прочным и которая вдруг ускользнула от него². Он отомстил за это жесточайшим образом. Призванные Лиудольфом венгры вторглись в Германскую империю. Тогда он устремился к ним, довел их до Маастрихта и направил на Лотарингию. Газбенгау, Намюрская область и Генегау были опустошены варварами, добравшимися до Камбрэ, затем проникшими в Артуа, откуда они продолжали свои набеги на Францию и Бургундию (954 г.).

Оттон не дожидаясь, пока закончится восстание, чтобы назначить в Лотарингию нового герцога. Несмотря на право Ренье Генегауского на его благодарность, Оттон однако и не думал поручить ему управлять страной: это означало бы восстановить могущество Гизельберта, дать местной аристократии популярного вождя и вновь оживить каролингские

племяннике Гизельберта — Ренье III Генегау. Граф Рауль Газбенгауский, несомненно, был вторым племянником. См. *L. Vanderkindere, Formation territoriale*, t- II, p. 133. Нам известно, кроме того, из хроники Флодоарда (924 г.), что У Ренье II, брата Гизельберта, было несколько сыновей.

Widukind, op. cit., lib. III, c. 17: «Ei infesti essent, eo quod decatum super eos administraret, ipsis nivitis». («Они были к нему враждебны, так как он управлял герцогством, подчиняя их, против их воли».)

Kopke-D'immeler, Kaiser Otto der Grosse, S. 219 (Leipzig, 1876).

притязания. Но с другой стороны — не приходилось ли опасаться, что германский князь рано или поздно последует примеру Конрада? Не лучше ли было окончательно отказаться от услуг светских князей и положиться на преданность и верность епископов? Отгон остановил на этом свой выбор. Он решил поставить себе на службу высшее духовенство и сделать из него послушное орудие германского господства и влияния. Осуществление своих планов он возложил на своего собственного брата Бруно (953 г.). Он дал ему титул герцога и наряду с этим назначил его архиепископом Кёльнским, соединив таким образом в его руках духовную власть со светской. Пожалуй, никогда еще в Средние века не проявлялось так ясно стремление использовать церковную иерархию в интересах государства.

К тому времени когда Бруно поставлен был во главе лотарингской церкви, ее положение было уже совершенно иным, чем во времена Карла Великого и Людовика Благочестивого. В разгар непрерывных смут конца IX и первой половины X века она очутилась в беспомощном положении и была отдана на произвол аристократии; она потеряла всякую независимость и уверенность в прочности своего существования. Епископы почти всегда навязывались клиру светской аристократией. В Льеже Стефан обязан был своим избранием своему родству с могущественными графами Гергардом и Матфридом. Его преемник Рихер был изгнан герцогом Гизельбертом, заменившим его кандидатом по своему выбору¹. Фульбер из Камбрэ тоже был креатурой герцога; Адальберон Мецкий — одним из его приверженцев².

Подобранные таким образом церковные сановники не могли быть поддержкой для Германской империи. Если, как общее правило, епископы не принимали участия в восстаниях, то в то же время они ничего не делали для борьбы с ними и, большей частью, довольствовались соблюдением благоразумного нейтралитета. Все они жили обособленно, будучи заняты управлением своими церковными имуществами и восстановлением разрушений, причиненных набегами норманнов. Культивирование науки, некогда так процветавшей в лоне церкви, почти полностью прекратилось. Большинство прелатов, поглощенных своими мирскими заботами, скорее походили на феодальных князей, чем на тех епископов каролингской эпохи, из среды которых короли выбирали себе советников и посланников и которые окружали себя богословами, грамматиками и поэтами. Борьба с притязаниями жадных и смелых соседей поглощала всю их энергию и все их таланты. Епископы Камбрэ вели упорную борьбу с графом Исааком

¹ По поводу этого дела см. *Parisot*, *Le royaume de Lorraine*, p. 637 и далее.

² О мнимом родстве епископа Бальдерика Утрехтского с Гизельбертом см. *Parisot*, *op. cit.*, p. 610, а также *L. Vanderkindere*, *Bullet. de l'Acad. de Belgique, Classe des Lettres*, 1900, p. 37 и далее.

из-за обладания своей столицей, а льежские • епископы трепетали перед сеньорами из Шевремона¹.

Между тем силы церкви не были столь незначительны, чтобы можно было пренебрегать ими, и если бы епископы не вынуждены были всегда проявлять обходительность по отношению к светской аристократии, то они могли бы играть наряду с ней очень важную политическую роль. Они были не только собственниками обширных земель, но им принадлежало также с конца IX века значительное число регалий. Они не были лишь простыми сеньорами, пользовавшимися иммунитетными правами и осуществлявшими на своих землях вотчинную юрисдикцию, но в силу особых жалованных грамот, тщательно хранившихся в их архивах, они обладали значительной долей государственной власти. С целью привлечь их на свою сторону Цвентибольд наделил их обширными прерогативами, и с этого времени различные государи страны следовали его примеру, либо для того, чтобы обеспечить себе их преданность, либо для того, чтобы создать себе противовес против могущественных аристократов. В 908 г. взимание налогов в Маастрихте и право чеканки монеты были переданы льежским епископам. В 948 г. епископы Камбрэ получили графскую власть в этом городе. В особенно благоприятном положении находилось утрехтское епископство, расположенное в области, где короли благодаря малочисленности аристократии были более свободны в раздаче различных пожалований. Оно приобрело постепенно право чеканки монеты, взимания налогов в пределах всего диоцеза, право рыбной ловли в Амстеле и Зюйдерзее. Королевская щедрость в отношении Утрехта принесла свои плоды. Епископ Бальдерик, рассчитывая на свои силы, оказал сопротивление графу Гатто, единственному из лотарингских князей, принявшему участие в восстании Конрада. Бальдерик поддерживал близкие отношения с германским двором и руководил воспитанием Бруно. Его поведение было очень показательным. Оно явственно доказывало, что как только епископы освободятся от ига аристократии, корона найдет в их лице самых преданных слуг для себя и самую прочную опору. Впрочем, Оттон уже давно это понял. Он не упускал тех редких случаев, которые ему представлялись, для привлечения на свою сторону высшего духовенства Лотарингии. В 950 г. ему удалось посадить на епископскую кафедру в Бердене одного из своих родственников — Беренгара.

Это мероприятие может считаться исходным пунктом коренной реформы лотарингской церкви, происшедшей при Бруно. Из феодальной и национальной, какой она была до этого времени, она в течение нескольких лет стала королевской и германской. Достаточно просмотреть списки епископов, чтобы убедиться, что начиная с 953 г. огромное большинство

С *Kurth, Le Comte Immon. Bullet, de l'Acad. de Belgique, 3-e serie, t. XXXV [1898], p. 320.*

упоминающихся в них епископов не принадлежало к знатым фамилиям Лотарингии. Церковные назначения производились теперь так же, как и назначения должностных лиц. Отныне выбирали только надежных людей, которые были всем обязаны королю и для которых он был единственным прибежищем. Таков был прежде всего знаменитый Ратер, который, будучи дважды изгнан из Вероны, нашел себе убежище при дворе Отгона и который получил в 954 г. льежское епископство; затем пробст Бонна Эракл, саксонец по происхождению. Другой саксонец, Беренгар, был послан в Камбрэ, где романское население считало его варваром из-за его языка и нравов¹. Его преемник Энгран был простым монахом, другом Бруно, знавшим его в Германии, где он управлял имуществами аббатства Сен-Пьер (в Корбии); за ним последовал другой монах, Ансбер, обязанный епископским саном свои личным взаимоотношениям с императором.

Аристократия, разумеется, оказала упорное сопротивление реформе, последствий которой она не могла не предвидеть и всю опасность которой она тотчас же оценила. Она великолепно осознала, что новые епископы должны были стать послушным орудием короны. Она сделала все, чтобы помешать им пустить прочные корни в стране. В Льеже она вызвала беспорядки, направленные против Ратера, сделавшегося вскоре невыносимым для духовенства из-за его резкого и сварливого характера; она заставила его отказаться от своих обязанностей, и в течение некоторого времени диоцезом управлял один из родственников Ренье Генегауского — Бальдерик. В Камбрэ вспыхнул сильнейший мятеж против Беренгара, но знатный саксонец не был человеком, которого можно было запугать, и он потопил восстание в крови. Той же участи подверглось в 959 г. другое восстание, руководимое Иммоном, старым другом герцога Гизельберта². Впрочем, аристократии скоро пришлось смириться. Император ревниво охранял свое непререкаемое право назначать епископов и не позволял никому вмешиваться в свой выбор. Достаточно было после смерти Вибольда из Камбрэ вмешательства городской знати, высказавшейся перед ним в пользу некоего монаха Роберта, для того, чтобы он отверг этого кандидата и назначил еще одного саксонца Тетдо, пробста церкви Сен-Северен в Кельне³. Такого рода факты очень показательны. Волей-неволей феодальной аристократии пришлось смириться: церковь была изъята из-под ее влияния.

Gesta episcop. Camerac, Mon. Germ. Hist. Script., т. VII, с. 431: «Lingua et natione sed etiam moribus populo suo barbarus». («Для своего народа варвар и по языку, и по нации и даже по нравам».) О том, что романское население Камбрэ не в состоянии было понять языка своих епископов, имеется еще одно свидетельство, относящееся к епископу Тетдо.

Flodoard, Annales, Mon. Germ. Hist. Script., т. III, с. 404.

Gesta episcop. Camerac, Ioc. cit. с. 438.

В то же время церковь благодаря щедрости императора стала столь могущественной, как она никогда не была до этого. Отныне государство, уверенное в епископах, сосредоточивало в их руках земли и регалии. Действительно, все, что церковь приобрела, приобреталось ею за счет феодальной аристократии, и это обогащение ее не было ущербом для королевской власти, ибо чем могущественнее она была, тем более существенные услуги могла она оказывать короне. Таким образом, более чем на протяжении столетия к церкви стекались всякого рода дары и приношения к вящей выгоде епископов. Начиная с Отгона I и до Генриха IV германские императоры непрестанно заботились о расширении церковных владений Лотарингии. При каждой новой смене государей церковь непрерывно занята была поглощением все новых территорий, она все расширялась, стремясь соединить одни свои владения с другими, как если бы целью ее было окружить железным кольцом разделявшие их светские сеньории. Епископы Камбрэ с начала XI века (1007 г.) были господами всей области Камбрэ; льежские епископы приобрели одно за другим графства: Гюи, Бруненгерунц, Гаспинга и почти всю область Кондроз; утрехтские епископы приобрели Гамаланд, Остерго и Вестерго. Ко всему этому надо прибавить множество отнятых у светских аббатов монастырей и речных налогов, рынков, замков, королевских земель, лесов, мест рыбной ловли, словом — всякого рода земли, права и доходы, которыми могли располагать императоры.

Бруно до самой своей смерти (965 г.) оставался правителем Лотарингии. В течение одиннадцати лет его управления Кельн сделался подлинной столицей страны. Он вновь стал для западных областей Бельгии тем, чем он был в римскую эпоху, т. е. средоточием оживленной деятельности и культурным центром. Школы его посещались не только лицами, готовившимися к духовной карьере, но и молодыми дворянами, которых их семьи вверяли руководству архиепископа-герцога. Все они возвращались оттуда патриотически настроенные к Германской империи и покоренные обаянием своего учителя. О силе его влияния можно судить, если сравнить с воинственными и мятежными феодалами предшествующего периода, такого человека, как его ученик, брабантский граф Ансфрид, который, отдав все свои силы на службу императору, сделался затем утрехтским епископом и умер аскетом¹.

Правда, подобные примеры были редки, и Руотгер, биограф Бруно, впал, как мы увидим, в явное преувеличение, вменив своему герою в заслугу то, что он якобы превратил лотарингцев из диких и кровожадных,» какими они были, в кротких и миролюбивых людей. Тем не менее разительная перемена была все же налицо. Новый режим вскоре пустил

Об этой личности см. *L. Vanderkindere, Formation territoriale*, t. II, p. 295 и далее. В противоположность Ренью он может считаться типичным представителем нового режима.

прочные корни благодаря стараниям епископов и благодаря безопасности, которой одно время пользовалась страна, гарантированная от каких бы то ни было враждебных действий со стороны Франции, молодой король которой, Лотарь, находился под опекой Бруно. В 964 г. Оттон мог в составе армии, шедшей под его водительством на Рим, увидеть проходящие перед ним тяжелые эскадроны лотарингской кавалерии, которые он до этого встречал лишь в рядах своих врагов.

Хотя Лотарингия давно уже перестала быть королевством, тем не менее она сохраняла до Бруно еще некоторую видимость независимости. Ее продолжали называть *regnum Lotharii* (королевством Лотаря), но что еще более показательным, она имела, кроме того, в лице Трирского архиепископа особого великого канцлера отдельно от великого канцлера Германии. Однако когда она преобразована была в имперскую провинцию, ей пришлось расстаться с этими напоминаниями о ее былой независимости. С 956 г. она не имела больше особого великого канцлера¹, а ее территория с 959 г.² была разделена на две части, из коих одна, примерно, соответствовала Трирской церковной провинции, а другая — кёльнской³.

Таким образом, новая система управления привела к исчезновению Лотарингии каролингской эпохи. Отныне здесь были налицо два лотарингских герцогства, судьбы которых должны были сложиться совершенно различным образом. Во главе каждого из них Бруно поставил подчиненного ему герцога, наделенного главным образом военными полномочиями. Южные области — *ducatus Mosellanorum* — он передал члену одного могущественного феодального рода, Фридриху Барскому, от которого пошла линия герцогов лотарингских. Для управления северными областями он избрал нового человека, своего воспитанника Готфрида, умершего в 964 г. в Италии, на службе у императора. После него в северной Лотарингии не было некоторое время герцогов. Одно время Оттон, по-видимому, хотел сделать из этой страны своего рода «церковную марку»⁴, управляемую епископами.

H. Bresslau, Handbuch der Urkundenlehre, Bd., I, S. 311 (Leipzig, 1889).

Относительно времени создания двух лотарингских герцогств см. *Vanderkindere, Le premier due de Basse Lotharingie. Bullet, de Г Acad, royale de Belgique, Classe des Lettres, 1901, p. 749* и далее, а также его же *Formation territoriale, t. II, p. 18* и далее,³

Относительно границ обеих Лотарингии см. *L. Vanderkindere, Formation territoriale, t. II, p. 37* и далее.

⁴

Вандеркиндере (*Vanderkindere, Formation territoriale, t. II, p. 25*) пытается объяснить этот факт созданием вдоль Шельды трех «марок» — Валансьенской, Гентской и Энамской, которых должно было быть достаточно для охраны границы. Но, по моему, эта точка зрения несостоятельна, ибо она совершенно не учитывает южной границы вдоль Генегау, самой незащищенной из всех. Кроме того, в Генте никогда не было ни марки, ни даже имперской крепости. *L. Willems, Les frontieres de la France et de l'Empire a Gand et dans le pays de Waes. Annales de la Societe d'Histoire de Gand, 1908, p. 311.*

II

В течение полутора веков церковь удерживала Лотарингию в повиновении императору; ее верность ни разу не нарушалась на протяжении всего этого времени, и если ее епископы не всегда были немцами по происхождению, то зато все они были немецкими патриотами по своему умонастроению.

В царствование Оттона III и Франконской династии, введенная Бруно в Лотарингии полусветская, полуцерковная система управления достигла своего завершения. Епископы действительно считали себя в это время имперскими наместниками. Они сознавали, какая высокая миссия на них возложена, и выполняли ее не только лояльно, но и с энтузиазмом. Почти все они выделялись своими знаниями и добродетелями, и многие из них оказались в числе лучших правителей и самых замечательных политиков того времени.

Таков был в особенности шваб Нотгер Льежский (972—1008 гг.), который наряду с управлением своим диоцезом, был одним из ближайших советников императрицы Феофано и императора Генриха II, принимавшим участие в важнейших государственных делах¹. По тону писем Герберта к нему можно судить о том, с каким огромным уважением относился к нему этот горячий сторонник саксонского дома и этот исключительно ловкий дипломат. Нотгер представлял двору кандидатов на освободившиеся места в лотарингские диоцезы. В руководимых им школах воспитывалось непоколебимо преданное германскому императору духовенство, и ничто так не свидетельствовало о силе нового режима, как превращение Льежа, этого романского по своему языку и населению города, в центр германского влияния. Из него вышли люди вроде Одельбольда Утрехтского, будущего биграфа Генриха II, или того самого Вазо, позднейшего епископа Льежа, который однажды заявил, что «если даже император велит выколоть ему правый глаз, то он не преминет употребить для службы ему и для прославления его свой левый глаз»². В Камбрэ епископ Гергарт в своем отдаленном диоцезе, расположенном на французской границе и зависевшем от реймских церковных властей, зорко охранял права и прерогативы своего государя на этом посту Германской империи. Когда его французские коллеги убеждали его ввести по их примеру мир божий, то он отказался сделать это, ссылаясь на то, что забота о поддержании мира является делом только государя, и что столь же неприлично, как и незаконно, присваивать себе эту прерогативу королевской власти³.

По поводу него см. С. Kurth, *Notger de Liege et la civilisation au X siecle* 2 (Paris, 1905). *Anselme*, *Gesta episcop. Leod. Mon. Germ. Hist. Script.*, т. VII, с. 225. *Gesta episcop. Camerac. Mon. Germ. Hist. Script.*, т. VII, с. 474, 485.

Под руководством подобных прелатов лотарингская церковь полностью во всех делах ориентировалась на Германию. Немногого не хватало, чтобы император Генрих II присоединил Камбрэ к Кельнской провинции и ввел в нем новое церковное устройство¹.

Однако, несмотря на все ее рвение, умение и могущество, имперской церкви не удалось достигнуть своих целей. Под ее руководством Лотарингия, несомненно, сделалась немецкой провинцией, но это была непокорная провинция, пестрившая сепаратистскими движениями, готовая подняться при первом же случае, покорность которой была скорее видимостью, чем реальностью. С первых же шагов епископам пришлось столкнуться с неустанным сопротивлением, то явным, то скрытым, но всегда готовым проявиться. Они никогда не могли похвалиться тем, что им удалось : умиротворить управлявшуюся ими страну. Почти всем им пришлось сражаться для усмирения восстаний врага, который после каждого поражения восстанавливал свои потери, вновь переходил в наступление и которому в конце концов досталась победа. Лотарингских епископов постигла точно такая же участь, как в свое время римские легионы, расположенные по Рейну: находясь под натиском неодолимой силы, они, как некогда римляне, могли лишь отсрочить на некоторое время гибель режима, защищать который они были призваны. И точно так же, как в свое время германцам предстояло в конце концов завладеть Галлией, так и феодализму суждено было разрушить имперскую церковь.

Из всех частей Германской империи феодализм раньше всего проник в западную Лотарингию и одержал здесь наиболее полную победу. В этом нет ничего удивительного. Эта область находилась в слишком непосредственном соприкосновении с Францией, где не пользовавшийся влиянием король предоставлял местным князьям возможность захватывать права и земли короны, так что французский пример не мог не возбудить аппетитов высшей знати. Видя, какой независимостью пользовался фландрский граф по ту сторону Шельды, лотарингские властители еще острее ощущали свою насильственную покорность, к которой их понуждала церковь. Французская монархия вскоре оказалась слишком слабой, чтобы они могли, как это было когда-то, прибегать к ее помощи против императоров, но во всяком случае все они считали феодальную независимость крупных французских вассалов идеалом, который должен был быть осуществлен во что бы то ни стало. В некоторых писаниях, составленных под влиянием епископов, попадаются намеки на эти крайне характерные тенденции. Так, автор «*Gesta episcoporum Cameracensium*» (Деяний епископов Камбрэ) осуждает «распушенность французских (carliens) нравов»², распространяющихся в Лота-

S. Hirsch, *Jahrbucher des Deutschen Reichs unter Heinrich II*, Bd. II, S. 322 (Berlin, 1864).

²

«Indisciplinati mores Carlensium» (распушенные французские нравы), *Gesta episcop. Camerac*, loc. cit., с. 466. Известно, что в X и XI вв. французов часто называли «Carlenses». Французское феодальное право уже в XI в. проникает

рингии, а аббат Зигфрид Горзе жалуется на широкое распространение французских мод¹.

Кроме того, за исключением духовенства и некоторых преданных императорскому духу дворянских семей, население, жившее на берегах Мааса и Шельды, считало себя, по существу, чуждыми Германии. Императорская власть, которую оно чувствовало на себе через посредство явившихся издалека епископов, иногда не понимавших даже его языка, внушала ему страх и уважение, но никогда не пользовалось его симпатиями. Правящая династия — будь она саксонской или франконской — всегда была одинаково безразлична жителям Нидерландов. На их взгляд, существовала только одна законная династия, а именно — династия Ка-ролингов, к которой принадлежал их король Лотарь II и которая продолжала править во Франции. Впрочем, их преданность Каролингам была чисто платонической. С того отдаленного дня, когда они вынуждены были отказаться от мысли образовать самостоятельное королевство, они никогда не пытались свергнуть владычество Германии. Но они добивались того, чтобы это владычество было чисто номинальным. Они признавали императора так, как впоследствии гезы XVI века признавали испанского короля, т. е. при условии, чтобы он довольствовался видимостью верховной власти и мнимой покорностью. Единственной политической идеей, владевшей их умами, единственной понятной им идеей при тех исторических условиях, в которых они находились, была идея феодального партикуляризма по французскому, или, если угодно, по фламандскому образцу. Именно эта идея вдохновляла создателей лотарингских княжеств в их долгой борьбе с имперской церковью, и именно она встречала поддержку со стороны народа. В самом деле: в то время как епископы и духовенство не признавали никакого другого повелителя, кроме императора, симпатии народа были всецело на стороне династии Ренье Длинношеего и Гизельберта. Несмотря на то, что их постоянно ссылали, а их владения неоднократно подвергались конфискации, они находили каждый раз по возвращении в страну своих вассалов, ожидавших их прибытия и готовых сражаться за них. Разбитые, они всегда снова поднимали голову и при самых неблагоприятных условиях им в конце концов удалось благодаря своему упорному сопротивлению сломить силу своих врагов.

В отличие от фландрских графов, положение которых в X веке было уже прочно утвердившимся, не в пример лотарингским властителям, последние лишь очень поздно обзавелись своими собственными историками.

в Лотарингию, как это можно видеть на основании текста присяги владельца замка Камбрэ епископу: «*Postpositis Karlensibus costumiiis, talem honorem tibi observabo, qualem Lotharienses milites domini suis et episodis*». *Ibid.*, 481. («Не считаясь с французскими обычаями, я буду воздавать тебе такую честь, какую воздают лотарингцы своим сеньорам и епископам».)

E. Steindorff, Jahrbucher des Deutschen Reichs unter Heinrich III, Bd. I, S. 191, Anm. 4 (Leipzig, 1874).

В течение долгого времени мы узнаем о них лишь по писаниям их злейших врагов. Авторами хроник, анналов, «Gesta» (деяний), излагавших нам их историю, всегда были священнослужители — сторонники императорской власти. Вполне понятно поэтому, что подобными источниками следует пользоваться с большой осторожностью. Церковные писатели оставили нам скорее карикатуру, чем портреты тех самых феодалов, с которыми епископам пришлось вести неустанную борьбу. С ужасом и с презрением, не скрывавшим, впрочем, их страха, они говорили об этих «разбойниках» и «грабителях»; у них не хватало эпитетов, чтобы заклеить их «наглость», «хищничество», «тиранию» и «безбожие». Если верить их словам, то пришлось бы думать, что предки графов Генегау, Брананта и Намюра были дикими изгоями, жившими в разбойничьих притонах, в дебрях лесов. Словом, они описывают нам их почти в тех же самых выражениях, в каких живописали позднее, после завоевания Англии, нормандские хронисты англосаксов¹. Но исторические факты сами позаботились о том, чтобы свести эти преувеличения к их истинным размерам. Нам прекрасно известно, что мятежники X века не были ни разбойниками, ни безбожниками. Подобно морским и лесным гезам XVI в., с которыми их можно вполне справедливо сравнивать, несмотря на разницу в эпохе и в обстановке, — они были перед лицом правительства из чужеземцев представителями надежд и чаяний своих соотечественников. Подобно гезам, они находились под руководством вождей, принадлежавших к самым именитым родам страны и, наконец, подобно им, они боролись за правое, по их мнению, дело. Они вели борьбу с церковью, как с политической, а не духовной властью. Если присмотреться поближе, то можно тотчас же убедиться, что мнимые «безбожники», за дело которых они сражались, оказывали помощь реформаторски настроенным аббатам и делали щедрые дары монастырям². Но между ними и их противниками всегда существовало постоянное взаимное непонимание. И действительно, разве могли понять друг друга сторонники и противники императорской власти? Железная необходимость толкала их на беспощадную борьбу друг с другом.

Эта борьба началась с первых же дней правления Бруно. Архиепископ тотчас же вступил в борьбу с племянником Гизельберта, Ренье III Генегауским, ставшим со времени смерти сына Гизельберта главой старинного герцогского рода и наследником его притязаний. Оба эти человека явились носителями двух в корне противоположных политических кон-

См., например, невероятные выражения, употреблявшиеся в XI в. составителем *Vita Balderici episcopi Leodiensis*, с. 25 (*Mom. Germ. Hist. Script.*, т. IV) в отношении графов лувенских. Сравни также *Vita S. Gerardi Broniensis* с. 19 (*Ibid.*, т. XV); *Gesta episcop. Camerac.* loc. cit. с. 439; *Ruotger, Vita Brunonsis*, с. 34 etc.

Так, например, Ренье Длинношей был покровителем Эрлуина из Жамблу. *Gesta abbatum Gemblacensium*, с. 13 (*Mon. Germ. Hist. Script.*, т. VIII).

цепций. Один считал императора, которому он служил, источником всякой власти и единственной законной властью, для другого же верность государю основана была попросту на договоре, и он считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к государю, отнявшему у него герцогский титул, который носили его предки. На стороне Бруно были епископы; на стороне Ренье — широкие народные массы. Влияние Ренье было столь сильно, что, когда он в 958 г. попал в руки своего врага, то последний предпочел предусмотрительно удалить его из страны: он сослал его на границу Богемии, где он и окончил свои дни. Но он оставил после себя двух сыновей, Ренье IV Генегауского и Ламберта Лувенского, которые, удалившись во Францию, ожидали лишь благоприятного момента, чтобы отомстить за своего отца. Они воспользовались беспорядками, возникшими в Германской империи после смерти Отгона I, и напали на Лотарингию со стороны Генегау и Камбрэзи.

Поддерживаемые Францией в лице Лотаря III и встреченные с энтузиазмом населением, приветствовавшим в них своих прирожденных государей, они разбили приверженцев императорской власти (973 г.), и дело дошло до того, что самому Отгону II пришлось осаждать их в замке Буссю (974 г.). Он сослал защитников замка в Саксонию, но не мог помешать Ренье и Ламберту бежать во Францию, откуда они в

976 г. снова сделали попытку напасть на Генегау. Несмотря на неудачный исход этого предприятия, император решил, чтобы обезоружить этих своих опасных мятежников, прибегнуть к милосердию. Он вернул им в

977 г. часть земель, конфискованных у них после восстания их отца¹. Что касается герцогского титула, вакантного со времени смерти герцога Готфрида в 964 г., то он отдал его члену каролингской династии, Карлу, брату короля Лотаря. Он, несомненно, надеялся, что Карлу, бывшему в ссоре со своим братом и являвшемуся старинным другом Ренье и Ламберта, удастся положить предел посягательствам Франции на Лотарингию и удержать эту страну в повиновении. Но он ошибся. Династия Гизельберта, осталась по-прежнему не только враждебной империи, но она, кроме того, всеми силами содействовала отчаянным попыткам Лотаря III присоединить к Франции находившиеся по левую сторону Рейна части

Германской империи. Ренье и Ламберт были для этого последнего представителя каролингской политики тем же, чем Ренье Длинношей был для Карла Простоватого и Гизельберт для Людовика IV Заморского. Феодалная партия, вождями которой они выступали, была одновременно, пользуясь выражением современных им хронистов, партией «*Carlenses*» (французской партией). Они искали помощи у Франции против императора, подобно тому, как фландрским графам впоследствии пришлось искать помощи у Англии против Франции. Как это часто бывало в

Относительно этих событий см.: *K. Uhlirz, Jahrbücher des Deutschen Reichs unter Otto II und Otto III, Bd. I, S. 47, 73, 74, 87, (Leipzig, 1902).*

